

Александр Трапезников

Тайны «Монастырского приюта»

А ТЫ И НЕ ЗНАЛ, ЧТО ТЫ ГЕРОЙ!



18+

Александр Анатольевич Трапезников

Тайны «Монастырского приюта»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8509729

Александр Трапезников. Тайны «Монастырского приюта»: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76132-6

Аннотация

Тринадцать человек, на первый взгляд никак не связанных друг с другом, оказываются в одном горном монастыре, переделанном под высококлассный отель. Сначала все идет хорошо, но вдруг постояльцев – одного за другим – забирает Смерть: один убит из арбалета, другой – повешен, третий – отравлен... Московский историк Александр Сивере, отправляясь отдохнуть по туристической путевке, даже и представить не мог, что попадет в такой переплет и что именно ему, кабинетному ученому, придется спасти мир и встретить настоящую любовь!

Содержание

Часть первая. Гостиница	5
Глава 1. Странная смерть	5
1	5
2	12
3	15
4	19
5	20
Глава 2. Таинственный медальон	25
1	25
2	28
3	30
4	33
5	36
6	38
Глава 3. В западне	43
1	43
2	44
3	47
4	50
Глава 4. Жена хозяина	60
1	60
2	63
3	66

4	69
5	72
6	75
Глава 5. Такая история	79
1	79
2	82
3	85
4	88
5	95
Глава 6. Горбун и другие	99
1	99
2	101
3	104
4	109
5	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Александр Трапезников

Тайны «Монастырского приюта»

Часть первая. Гостиница

Глава 1. Странная смерть

1

«И дернул же меня черт забраться в эти проклятые горы!» – Нахохлившийся мужчина с красно-коричневым саквояжем в руке уже в пятый или шестой раз произнес про себя эту фразу. Полчаса назад он сошел с пригородного автобуса, тотчас же укатившего вниз по серпантинной дороге, а сейчас вместе с остальными пассажирами топтался на смотровой площадке и встревоженно озирался по сторонам. Ждали фуникулер. Это последнее в пути транспортное средство должно было перенести их к вершине другой горы, которую метрах в трехстах отсюда окутывали предвечерние облака.

Если взглядеться пристальней, то можно было различить

древний неприступный монастырь, похожий на замок, вырубленный в горной породе, – конечный пункт назначения. Его мрачный и зловещий вид производил гнетущее впечатление, будто монастырь готовился распахнуть двери для вечного успокоения. Нет, совсем не так представлял себе мужчина с саквояжем в руке место своего будущего десятидневного отдыха. На рекламном проспекте высокогорный отель «Монастырский приют» выглядел совсем иначе! И веселее, и гораздо солнечнее, и даже по-домашнему уютно. Был похож на загородную виллу, где можно наслаждаться тишиной, покоем и свежим воздухом. Впрочем, первое впечатление всегда бывает обманчивым. А уж кислорода здесь было действительно в изобилии. Как и безмолвия.

– Ишь, оскаливается! – произнес кто-то рядом с женщиной. Тот чуть повернул голову, переложив саквояж в другую руку. Говоривший был немолод и нестар – неопределенного, скорее среднего возраста, с невзрачными чертами лица, словно его отштамповали на какой-то ширпотребной фабрике. Поймав вопросительный взгляд женщины с саквояжем, попутчик пояснил свою мысль:

– Говорю, «Монастырский приют» будто оскаливается, поджидая нас. Чуете, как несет сыростью? Ревматикам тут делать нечего. Вы не ревматик? А я сюда приезжаю уже в пятый раз. Тянет, знаете ли... Как на место преступления. Багрянородский, – представился он, приподняв фетровую шляпу.

– Сивере, – ответил мужчина с саквояжем. – Нет, я не ревматик. Я – историк.

– Н-да... много тут произошло всяких историй... – непонятно протянул Багрянородский и, внезапно потеряв к собеседнику всякий интерес, отошел в сторону, где у парапета стояли две пожилые дамы. Пожав плечами, Александр Юрьевич Сивере направился к стойке, за которой флегматичный продавец играл с кем-то из местных жителей в нарды.

– Кофе! – попросил Сивере, остановив взгляд на молодой паре, устроившейся тут же. «Молодожены», – определил он, прислушавшись к их безмятежному воркованию. Могли бы выбрать и более романтическое место, а не монастырь, пусть и давно не действующий. Все остальные пассажиры, приехавшие на рейсовом автобусе, разбрелись по смотровой площадке кто куда. Все они были достаточно зрелого возраста, кроме строгой и бледной брюнетки, застывшей на самом краю, словно скульптурное изваяние. Устремив взгляд куда-то вдаль, она стояла спиной ко всем, и даже плечи ее выражали странное презрение. Или обиду.

– Когда будет фуникулер? – поинтересовался Сивере, принимая горячую чашку. Свой собственный возраст он соотносил с древнегреческим понятием «акмэ» – расцвет сил, пора свершений. Хотя никаких особых свершений в жизни мало заметного кабинетного историка пока не случилось.

– Скоро! – многозначительно, но неопределенно отозвал-

ся флегматичный продавец. Очевидно, для жителей гор время текло по особым законам, не доступным пониманию чужестранцев.

– Наберитесь терпения, – рядом возник Багрянородский. – Расписания движения как такового нет. Фуникулер старенький. Ползает, как жук, туда-сюда раза два в день. Один – утром, другой – вечером. А зачем больше? Еще сломается. Экономят энергию. У «Монастырского приюта» своя система жизнеобеспечения. Необходимые продукты завозят раз в неделю. Хлеб пекут сами. Источник воды – чуть ниже по склону. Словом, монахи не дураки, знали, где поселиться. Козьими тропами к ним почти невозможно добраться. Как на корабле в автономном плавании. Ну и рожа.

– Вы о нем? – вздрогнул Сивере. Он еще не привык к манере странного попутчика перескакивать мыслью с одного на другое.

– А вон о том старике с палкой. Похож на мертвеца, взявшего отпуск.

Старик, на которого указывал Багрянородский, имел голый, обтянутый пергаментной кожей череп, впавший рот и глубоко посаженные глаза. Сейчас он немигающе глядел на них, опираясь на самшитовую трость. Буквально сверлил взглядом. Сивере отвернулся.

– Человек как человек, – неуверенно пробормотал он. – Ничего особенного.

– Не скажите! – заспорил Багрянородский. – Трупный

запах. Разве не ощущаете? Нынче не завоз отдыхающих, а какой-то паноптикум, элизиум теней. Выходцы с того света. Один краше другого. То ли дело было прошлой осенью! Много молодежи, юмора, вина. Правда... это не спасло... – Багрянородский не окончил фразу, осекся, взглянув на флегматичного официанта. А тот будто бы предупреждающе вскинул брови. Сиверсу надоели загадки и весь этот разговор. И вообще Багрянородский стал вызывать у него неприязненные чувства. Как назойливая, кружащая вокруг головы муха.

– Я лично приехал для того, чтобы побыть в одиночестве, – несколько резко произнес Сивере.

– Покой вам будет обеспечен, – тихо и торжественно пообещал Багрянородский, щелкнув пальцем и отплывая в сторону.

«Да он сумасшедший! Просто фрик», – подумал Александр Юрьевич, вновь возвращаясь взглядом к застывшей, как статуя, брюнетке. Она почему-то притягивала его все больше и больше. Было в ней нечто загадочное. Как в древнем манускрипте, который необходимо расшифровать. И тогда откроется некая вековая тайна. «Вдова», – решил про себя Сивере. Поставив пустую чашку на стойку, он с удивлением обнаружил, что две пожилые дамы, с которыми совсем недавно беседовал Багрянородский, оживленно подают ему какие-то знаки. Они были немного похожи друг на друга – редкими седыми буклями и лисьими мордочками. Должно

быть, сестры.

– Я? – озабоченно пробормотал Сивере, на всякий случай оглянувшись. Но позади него, кроме сосредоточенных игроков в нарды, никого не было. Старушки энергично закивали: ты, ты!

Несколько растерявшись, искусственно и глупо улыбаясь, Сивере подошел к ним.

– Янек, ну почему ты нас столь долго и неуклюже игнорируешь? Это, по крайней мере, невоспитанно! – сказали они почти хором. Голоса у них тоже оказались похожими: словно слабо жужжала бормашина.

– Вредный! – хихикнула старшая, с розовым пятном на лбу.

– Противный! – добавила вторая, пониже ростом. И при этом еще кокетливо ткнула Александра Юрьевича в грудь кривым пальцем.

– Мы же тебя еще в автобусе узнали, – продолжила старшая.

– Хотя прошло тридцать лет, – добавила вторая.

– Разве ты не хочешь расцеловать своих тетушек? Янек!

– Ну же, смелее!

– Простите? – опешил Сивере, вцепившись в свой сакво-ж, как в спасательный круг. – Кого?

– Тетю Алису и тетю Ларису, – напомнила старшая, с пятном.

– Нет, – твердо ответил Александр Юрьевич, отступая на

полшага. – Вы, очевидно, ошиблись. Я не Янек.

Забавно было наблюдать, как изменились выражения их лиц: словно оплыл воск с двух свечей.

– Нет? Вы не Скабичевский? И не из Ковно? Матка Боска! – разом заговорили они. – Простите, простите, простите...

– Ничего страшного, – галантно откланялся Сивере, поспешно удаляясь. «Бывает всякое... – подумал он. – Но это в каком же году Ковно переименовали в Каунас, не в позапрошлом ли веке?»

«Статуя» брюнетки чуть повернула голову, бросив на него быстрый и острый как бритва взгляд. Молодожены целовались, не обращая ни на кого внимания. Старик с голым черепом и самшитовой тростью уткнулся в пожелтевшую газету, не иначе как полугодовой давности. Багрянородский, собрав возле себя две пожилые супружеские четы, что-то рассказывал, указывая рукой в сторону «Монастырского приюта».

Но Сиверса сейчас больше всего интересовал седовласый мужчина с V-образным шрамом на левой щеке. Странно, но Александр Юрьевич мог поклясться, что в автобусе его не было, может быть, мужчина пришел своим ходом? Но не это главное: Сивере был уверен, что знает его. Уж больно характерное лицо и шрам. Седовласый пил кофе, обмениваясь какими-то репликами с игроками в нарды. Неуверенно подойдя к ним и боясь оконфузиться, Сивере негромко произнес:

– Прозоров?

Тот вздрогнул и вполоборота бросил:

– П-шел вон!

– Извините, – проямлил Сивере. И, уже отойдя на некоторое расстояние, раздосадованно пробормотал себе под нос:

– И дернул же меня черт забраться в эти проклятые горы!..

2

С Германом Прозоровым (на которого был так удивительно похож пивший кофе мужчина) Александр Юрьевич Сивере был знаком еще с середины девяностых годов. Вместе обучались в МГУ. Это был один из самых способных, гордых и непредсказуемых студентов. Круг его интересов был необычайно широк: от письменности древних мидян до взрывоопасных химических соединений. К слову сказать, V-образный шрам на щеке он получил именно тогда, в лаборатории, когда взорвалась колба с каким-то кипящим составом. Числясь на историческом факультете, Прозоров охотно забредал в чужие корпуса и аудитории, где слушал лекции по физике, химии, астрономии, философии, математике. В библиотеке корпел над учебниками по медицине.

Уже в те времена его внимание привлекали магия и кабалистика. Доставать редкие книги по этой тематике ему помогали люди из какой-то секты. По крайней мере, об этом поговаривали в университете. Вокруг него вообще роилось

множество слухов. Никто точно не знал, откуда он родом. То ли с Алтая, то ли из Средней Азии. По возрасту – старше других студентов. Общителен, но в то же время скрытен, любит навести тумана. Девушками особенно не интересуется, хотя возле него всегда две или три подружки, выполняющие, скорее, обязанности наложниц, чем подруг. Чаше бывает мрачен, но может неожиданно развеселить всю студенческую компанию. Физически силен, в словах – резок и остроумен, финансово обеспечен. Откуда деньги? Шут его знает. Некоторые намекали, что Герман Прозоров связан с криминальным миром, с какой-то бандой, но доказательств тому не было. Загадочная личность, что и говорить.

А потом он неожиданно исчез, будто растворился в воздухе. Случилось это на последнем курсе. Догадок было много, но точно никто не знал: Прозоров в МГУ больше не появлялся. На съемной квартире – тоже. О нем повздыхали, поговорили и стали постепенно забывать. Несмотря на свою мощную магнетическую силу, притягивавшую к нему людей, его образ стал быстро стираться из памяти. И объяснение тому можно было найти простое: Герман Прозоров в большей степени вызывал безотчетный страх, чем дружеское уважение или любовь. А через полгода, зимой, в районе Капотни милиция обнаружила полуразложившийся труп мужчины, в котором с большой натяжкой некоторые из студентов, близких к Прозорову, опознали своего загадочно пропавшего сокурсника. Но полной уверенности в том не было.

Прошло лет пятнадцать. И вот однажды в метро на станции «Боровицкая» Сивере, поднимаясь на эскалаторе, вдруг увидел спускающегося вниз Германа Прозорова. Несомненно, это был он! Александр Юрьевич растерянно развернулся к бывшему другу, тот внимательно глянул на него и тотчас же отвернулся. Будто не хотел, чтобы его узнали. Встреча эта оставила в душе Сиверса неприятный осадок. Он даже усомнился в том, что увидел собственными глазами. Фантом, призрак прошлого...

А теперь? Осень 2015 года, горы Кавказа, «Монастырский приют» и – новая встреча с Прозоровым. Или это опять не он? Мало ли в мире двойников? Да пруд пруди!.. Люди, если как следует разобраться и присмотреться, похожи друг на друга.

Седовласый мужчина неторопливо допивал кофе, а Александр Юрьевич, отойдя к парапету, искоса поглядывал на него, продолжая гадать. И, наконец, решил: нет, это не Прозоров. А если и он, так и бес с ним, очень надо возобновлять знакомство! Сивере не любил навязывать свое общество другим.

- Ползет, – произнес рядом с ним Багрянородский.
- Кто? – повернулся к нему Александр Юрьевич.
- Фуникулер, – махнул рукой тот. И щелкнул пальцами.

Что-то прошелестело в воздухе, похожее на скорбный крик птицы. «Чайка? – подумал Сивере. – Бред. Откуда, в горах?» Звуки издавал плывущий к ним по воздуху фуникулер.

Люди на смотровой площадке заметно оживились. Даже застывшая брюнетка соизволила что-то ответить Багрянородскому, который теперь крутился возле нее, умилительно заглядывая в глаза. И лысый старик также взбодрился, зашаркав вдоль парапета. Две «тетушки» – Алиса и Лариса – негромко заверещали, указывая на фуникулер пальцами. А юная пара молодоженов замахала руками, словно приветствуя тех, кто сидел внутри железной коробки с оконными прорезями. Но судя по всему, фуникулер был пуст.

Искоса Сивере поглядел на лже-Прозорова, невозмутимо дымившего толстой сигарой. Пожилые супружеские пары уже подхватили сумки и чемоданы, заняв очередь к месту посадки. Продавец вышел из-за стойки, открыл ключом дверь в стеклянной будке, где находился механизм управления фуникулером, и взялся за рычаги. Очевидно, это также входило в его обязанности.

– Ну-с! – сказал Багрянородский, отстав от брюнетки и подкатившись к Сиверсу. – На этот раз, кажется, пронесло...

– Что вы имеете в виду? – резко спросил историк. Манера

Багрянородского говорить намеками и загадками вызывала в нем все большее раздражение.

– В прошлом году фуникулер застрял на половине пути, пришлось вызывать аварийную бригаду из города. Но все равно нас оттуда снимали с помощью вертолета, – охотно объяснил тот. – Натерпелись, скажу я вам. До сих пор вздрагиваю. Впрочем, чего это я каркаю? Мы же еще не в кабине. Еще ведь не пронесло, так? Вы высоты боитесь?

Сивере ничего не ответил. Вот ведь пристал, клещ! Фуникулер приближался. Оставалось каких-то метров сорок. И тут произошло то, что и его самого, и всех остальных повергло в настоящий шок. Может быть, лишь за исключением лже-Прозорова, который продолжал невозмутимо дымить. А случилось следующее.

Вначале раздался пронзительный, раздирающий души крик. Истошный вопль о помощи. Доносился он явно из фуникулера. Железная коробка продолжала двигаться к смотровой площадке. Затем дверца с треском распахнулась, словно выбитая изнутри. Показалось туловище человека, отчаянно вцепившегося в поручни. В предвечерней дымке его лица было не разглядеть, черный плащ болтался на нем как на вешалке.

Единственное, что можно было разглядеть: этот мужчина, довольно тщедушного телосложения, безуспешно пытался сопротивляться кому-то, кто хотел вытолкнуть его из фуникулера. Слышались глухие удары, будто били боксерскую

грушу. Все это продолжалось секунд десять. Несчастный зашелся в безумном вопле и визге, а под ним разверзлась километровая пропасть. Люди на смотровой площадке, скованные ужасом, застыли.

Наконец руки человека в черном плаще оторвались от поручней, и он полетел вниз, причем в тот самый момент, когда фуникулер почти достиг «гавани». Все бросились к парапету, пытаясь разглядеть на дне ущелья тело мужчины. Но в черном зеве пропасти ничего не было видно. Очевидно, труп застрял в одной из расщелин. Выжить после такого падения было попросту невозможно.

Александр Юрьевич машинально вытащил из кармана платок, вытерев пот со лба. Новый истеричный крик привел его в чувство: это надрывалась бледная брюнетка, которую с двух сторон тотчас же подхватили «тетушки» Алиса и Лариса.

– Н-да... Начинается... – глухо пробормотал где-то рядом Багрянородский. – Да заставьте же ее замолчать!

– Ч-что эт-то б-было? – заикаясь, спросил Сивере. Глупее вопроса не придумать. Никто ему не ответил. Теперь все с каким-то безотчетным ужасом смотрели на приплывший к ним, казалось, из самого ада, фуникулер, который коснулся колесами смотровой площадки, прокатил еще пару метров и скрипуче затормозил. Очнувшийся в стеклянной будке продавец успел нажать на нужный рычаг.

Железная коробочка фуникулера с распахнутой дверцей за-

мерла, словно приглашая всех, собравшихся в «Монастырский приют», пройти внутрь. В гости к Люциферу. Но все понимали, что сейчас оттуда должен появиться убийца, и вполне возможно, не один. Пятясь, Сивере наткнулся на Багрянородского. Тот сжимал в руках самшитовую трость, позаимствованную им у лысого старика.

– Тс-с! – зачем-то сказал Сивере. Но вокруг и так стояла мертвая тишина. Лишь дверца фуникулера под порывами ветра раскачивалась взад-вперед.

– Надо заглянуть внутрь, – раздался голос лже-Прозорова. Его сигара продолжала дымить.

– Ага, вот вы и идите, – насмешливо ответил Багрянородский.

Служитель-продавец медленно вышел из стеклянной будки. В руках он держал охотничье ружье. Но, сделав два шага к фуникулеру, опасливо остановился.

– Эй! – крикнул он. – Выходите! Ждете, чтобы я сам вас вытащил?

– Гранату бы туда бросить... – мечтательно произнес Багрянородский. – Пальни в воздух!

Смелее всех оказался молодожен. Оторвавшись от своей юной супруги, плечистый парень громко проговорил:

– Мы – морпехи, я вас там голыми руками задавлю!

И, подойдя к фуникулеру, уверенно шагнул в открытую дверцу. Через пару томительных минут он появился снаружи. Выглядел весьма озабоченным. В напряженной тишине

прозвучали всего три слова:

– Там никого нет.

4

Да, кабина фуникулера была пуста. В этом убедились и другие, пожелавшие заглянуть внутрь. Спрятаться там было попросту негде. Но ведь кто-то же вытолкнул несчастного человека в черном плаще из этой проклятой коробки? Убийца не мог взобраться на крышу фуникулера – ее осмотрели. Не мог спрятаться под днищем или спрыгнуть вниз. Не мог исчезнуть. И вместе с тем он словно растворился в воздухе.

– Нечто inferнальное. Я предупреждал, – невнятно произнес Багрянородский, обращаясь к Сиверсу. – Вы историк, а эта история будет почище ваших Пунических войн.

– Я ничего не понимаю, мистика, – ответил Сивере. Служитель-продавец повесил охотничье ружье на плечо. Помавил пальцем местного жителя, игрока в нарды.

– Вазген, ступай в город, вызови полицию. Предупреди, что нужны альпинисты-спасатели. Может быть, он еще жив.

Бородатый мужчина без лишних разговоров торопливо побежал по серпантинной дороге вниз.

– А мы? – спросил лысый старик. – Мы не можем тут торчать вечно.

– Да! Это займет еще часа три, не меньше! – поддержали его тетушки Алиса и Лариса. Они все еще поддерживали

брюнетку с обеих сторон, но та уже успокоилась и выглядела теперь вновь вполне равнодушно ко всему происходящему. Багрянородский вернул старику самшитовую палку.

– Мы можем отправиться на этом проклятом фуникулере в «Монастырский приют», – сказал он. – Если понадобится как свидетели, комиссар найдет нас там.

– Логично, – заметил лже-Прозоров. – Я чертовски хочу есть. Чего нам тут торчать без толку?

Возражений ни у кого не нашлось.

– Тогда... попрошу в кабину! – немного торжественно произнес служитель. – Счастливого пути!

И все тринадцать человек – Сивере, Багрянородский, лже-Прозоров, брюнетка, старик, молодожены, тетушки Алиса и Лариса и две пожилые супружеские пары – заполнили железный короб. Фуникулер дернулся и не спеша пополз к видневшейся вдалеке вершине, где размещался высокогорный «приют».

5

Отдельные номера этого отеля представляли собой бывшие монашеские кельи, несколько тесноватые, но, разумеется, перепланированные и усовершенствованные в соответствии с гостиницей трехзвездочного уровня. Аскетическая обстановка, минимум мебели, крошечные оконца, напоминающие бойницы, длинные полутемные коридоры, крутые

лестницы, множество закоулков, чуланов и подсобных помещений. Трапезная с мощными трехметровыми сводами. Крепостные башни и внутренние дворики, где можно наслаждаться тишиной и покоем, созерцать звездное небо и размышлять о вечности. Приземистые арки, базилики, колонны. Живописные витражи, резные мраморные украшения, каменные шипы, возрастающие на ветках молчаливых контрафорсов и шпилей. Фрески и готические фигуры, выступающие из столбов консоли, готовые к приему гостей.

Впрочем, на то, чтобы обойти и изучить весь монастырь, потребовалось бы не менее трех суток. Александр Юрьевич Сивере и не пытался этого сделать сразу. «Еще успею!» – решил он, распаковывая в своем номере-келье саквояж. Но даже первого взгляда на то, что он увидел, ему – как историку и исследователю старины – хватило с лихвой, пришлось по душе. Нет, рекламный проспект не лгал: это именно то место, к которому он стремился. Что же касается трагического происшествия час назад, то оно как-то отодвинулось на второй план. Ну, вытолкнули кого-то из фуникулера, чего не бывает в этом мире, разберутся...

Хозяина «Монастырского приюта» звали То шик Полонский. Здесь же трудились его жена, дочь и двое сыновей, а также слабоумный, безобидный с виду племянник, выполнявший всю черновую работу. Больше никакой obsługi и не требовалось. Ублажить две дюжины постояльцев – не велика премудрость, а отель к тому же редко заполнялся «под за-

вязку».

Вот и сейчас кроме тринадцати приехавших туристов в нем отдыхали еще всего четыре загостившихся клиента. Старожилы. Увидеть их Сиверсу удалось лишь за ужином, в трапезной, где кроме длинного монастырского стола из ливанского кедра стояло еще несколько элегантных ажурных столиков. Любой из постояльцев мог выбрать себе место по вкусу: или в большой компании, или в уединении.

Александр Юрьевич выбрал отдельный столик. Он решил приложить все усилия к тому, чтобы оградить себя от лишних знакомств. Впрочем, избежать этого полностью не удалось. То шик Полонский, по заведенному обычаю, представил каждого из собравшихся в трапезной. Произнесенные имена и фамилии тотчас же вылетели у Сиверса из головы, запомнил он лишь, что лже-Прозорова назвали Эдвардом, а бледную брюнетку – Анной. Старик-«мертвец» почему-то вообще не был никак конкретно обозначен, только словами «ваше превосходительство».

– Князь... – шепнул Сиверсу на ухо Багрянородский, оказавшись вдруг за его столиком. – Я уже выяснил: из рода Романовых. Вы не возражаете?

– Сидите уж! – буркнул Сивере.

– Спасибо. Знаете, все намного хуже, чем я думал. Дело совсем скверно.

– О чем вы?

– О том несчастном, выкинутом из фуникулера. Когда я

рассказал об этом происшествии Полонскому, он был готов поклясться, что кабина отправлялась за нами пустой. Выходит, ни убийцы, ни убитого там не было. Коллективная галлюцинация? Правда, ему соврать – что в ваш глаз плюнуть. Тот еще жук. И вот еще что: двое постояльцев, два брата, действительно исчезли. Но Тошик говорит, что у них еще утром было намерение спуститься горными тропами вниз. И один из них носил черный плащ.

– А вы время зря не теряли, – промолвил Сивере после некоторого раздумья.

– Профессия обязывает. Я – частный детектив. Но пусть этим занимается полиция. Скоро придет фуникулер с комиссаром. А вы почему вино не пьете?

– Трезвенник.

– Больны или религия не позволяет?

– Так хочу. Отстаньте.

– Обидно. Думал, мы здесь как следует повеселимся. Впрочем, я убежден, что скучать все равно не придется. У меня предчувствие: та смерть – своего рода прелюдия. Знак судьбы, символ. Предупреждение. Зов трубы, если хотите.

– Не хочу. Идите вы к черту со своими пророчествами.

За большим столом, где сидели человек десять вместе с хозяином и его женой, начали раздаваться оживленные голоса и смех. Тошик рассказывал армянские анекдоты. За другими столиками расположились по одному-два туриста. Горячие блюда, вина и закуски подавали двое сыновей Полон-

ского. Все было достаточно вкусно.

Играла национальная музыка, льющаяся из двух стереодинамиков. Вечер знакомств, судя по всему, радовал и хозяина, и его гостей. «Большая семья», – подумал Сивере, поглядывая на Анну за соседним столиком. И она неожиданно улыбнулась ему. Всего лишь слегка, уголками губ, но потеплев взглядом.

Александр Юрьевич глубоко вздохнул и вдруг, сам не понимая отчего, повинувшись своим мыслям, громко произнес во время музыкальной паузы:

– И все-таки, господа, кто же был тот бедняга, выпавший из фуникулера?

Все голоса смолкли, наступила тишина. Собравшиеся в трапезной посмотрели на Сиверса так, словно он сказал нечто крайне неприличное или предельно глупое. Ему никто не ответил. Звякнула чья-то вилка, и спустя секунду из динамиков вновь полилась чарующая кавказская мелодия.

Глава 2. Таинственный медальон

1

Сивере проснулся отяжелевшим и расслабленным. Еще не открывая глаз, он почувствовал, что в келье находится кто-то посторонний. Чей-то взгляд словно ощупывал его лицо. Так и есть – на табурете, прислонившись к кирпичной стене, сидел лже-Прозоров с потушенной сигарой во рту.

– Ну? – буркнул Александр Юрьевич, приподнимая с подушки голову. Ему был крайне неприятен этот ранний визит, к тому же как он умудрился проникнуть сквозь запертую дверь?

– Курить можно? – спросил незваный гость и, не дожидаясь ответа, задымил. – Узнал?

Теперь это был тот, прежний Прозоров, мрачно-насмешливый и полный загадок. Герой курса.

– Мне все равно, почему ты теперь зовешься Эдвардом, но, может быть, хоть вкратце расскажешь, где пропадал все эти годы? И чей труп был найден в Капотне?

Сивере встал с узкой койки и начал одеваться. Сквозь небольшое зарешеченное окошко пробивались солнечные лучи.

– Долгая, брат, история! – усмехнулся Прозоров. – Много

чего было – тебе лучше не знать. Трижды менял имя и фамилию. Теперь я Терракотов.

Он немного помолчал, глядя, как Сивере умывается в раковине, и добавил:

– Меня ищут. Думал, залезу в эти горы, спрячусь. Ан нет, на тебя вот наткнулся.

– Ты в розыске? – не оборачиваясь, спросил Сивере.

– Можно считать и так, – уклончиво ответил тот. – Многие сейчас хотели бы со мной встретиться, Саша.

– Кто именно?

Сивере поймал брошенное ему полотенце. Как бы ему теперь хотелось оказаться вновь в Москве! Он уже чувствовал, что отдых пошел насмарку. Нет, не будет ему тут уединения и покоя.

– Нелюди, – коротко отозвался Прозоров-Терракотов. – Подозреваю, кто-то меня выследил. Возможно, он находится здесь, в «Монастырском приюте».

– Помощь нужна? – на всякий случай спросил Сивере, не собираясь связываться с этим опасным и непредсказуемым человеком.

Ранний визитер вновь насмешливо скривил губы:

– А вдруг ты один из них?

– Тогда какого черта ты ко мне приперся?

– Ладно, не злись. Я действительно рассчитываю на тебя.

Но лучше, если никто не будет знать, что мы знакомы. Так безопасней. А вторая пара глаз и ушей мне необходимы.

– Мои, что ли? – вяло спросил Сивере, чувствуя, что начинает сдаваться. Магнетическая сила бывшего сокурсника была чрезвычайно велика. Он попросту подавлял волю к сопротивлению, словно питон, обвивший туловище и постепенно сжимающий кольца.

– Твои, твои, – ответил Герман-Эдвард. Сивере сделал еще одну попытку высвободиться:

– Или ты мне расскажешь все по порядку, или... я умываю руки. И отплываю с первым же фуникулером.

– А выпасть не боишься? – в его словах прозвучала недвусмысленная угроза. – Отсюда тебе дороги нет.

Неприятный холодок пробежал по спине Александра Юрьевича. Ледяные бесцветные глаза Прозорова смотрели мрачно, словно он целился в Сиверса из двустволки. Он кисло улыбнулся, пытаясь взять себя в руки.

– Потом расскажу, – медленно произнес Прозоров. – Не сейчас. Еще не время.

Неожиданно он резко вскочил с табурета, одним прыжком подлетел к двери и распахнул ее. На пороге стоял хозяин гостиницы Тошик Полонский. Лицо его напоминало неподвижную маску с растянутыми в отвратительно-глупой улыбке губами.

– Чего надо? – заорал на него Прозоров.

– Завтрак через тридцать минут! – спокойно ответил хозяин и неторопливо удалился по коридору.

Обильная, вовсе не монастырская трапеза была несколько омрачена появлением полицейского чина с пышными усами. При нем был и помощник – здоровущий рыжий малый с кобурой на боку. Такой большой, что в ней мог уместиться «маузер» времен большевистской революции. Прибыли они сюда на злосчастном фуникулере и тотчас же приступили к дознанию.

– Комиссар полиции Куруладзе! – сурово представился усач. – Буду вызывать вас по очереди, в библиотеку. Пока лишь формальный опрос. Вы жуйте, жуйте. Не подавитесь только.

Глядел он при этом так жестко, что кусок в горло совсем перестал лезть. Словно каждый из присутствующих был виноват в том, что какого-то бедолагу вытолкнули из фуникулера. Напряженную атмосферу немного разрядил Тошик Полонский. Дождавшись, когда полицейские ушли из трапезной, он ехидно заметил:

– Сейчас – комиссар, а раньше был сержантом полиции. Что ни говори, а главное в жизни – вовремя сменить старые штаны на новые. Между прочим, альпинисты не нашли в ущелье ни трупа, ни даже обрывка плаща.

– Куда же он мог запропасть? – отчего-то недовольным голосом спросил Багрянородский, словно это исчезновение

окончательно испортило ему аппетит.

– Волки съели, да-да, тут их много, – одновременно пискнули тетушки Алиса и Лариса.

– Странно! – промолвил князь из рода Романовых.

– Нет трупa – нет и убийства, – заметил Прозоров.

– Но ведь мы все видели... – начала Анна и тут же, спохватившись, замолчала. Сивере вновь поразился мраморной белизне ее утонченного лица.

– Вопрос вот в чем. Ведь кто-то же из прежних постояльцев исчез? – толково произнес молодожен-морпех.

– Братья Афонины, – кивнул Тошик. – Но уверяю вас, что в фуникулер они не садились. Они отправились на три дня к подножию горы. Я сам выдал им альпинистское снаряжение.

– Но один из них был одет в черный плащ? – быстро спросил Багрянородский. – Не слишком-то удобная одежда для скалолазания.

– Они покинули приют в красных комбинезонах, – так же скоро ответил Тошик. Казалось, между ними идет какая-то непонятная словесная игра.

И тут в разговор вмешался один из старожилов – угрюмого вида пожилой человек в очках с толстыми стеклами. Откашлявшись, он четко произнес:

– Неправда. Я был неподалеку и видел, как братья Афонины усаживаются в фуникулер.

Наступила пауза. Ее можно было бы назвать даже зловещей, поскольку в воздухе застыли и ножи, и вилки. Пер-

вым очнулся Тошик. Отодвинувшись от Багрянородского, он поднял на уровне его глаз два пальца и ласково спросил:

– Сколько видите?

– Один, – недовольно ответил тот.

Хозяин гостиницы засмеялся. Затем торжествующе произнес:

– Вам нужно выписать новые, еще более мощные линзы, Матвей Матвеевич.

– А что порекомендуете выписать нам? – усмехнулся Сивере. – Новые уши? Бывает обман зрения, но насчет слуховых галлюцинаций я что-то ничего не знаю.

– Темное дело... – негромко пробормотал Багрянородский. – Такое темное, что тело несчастного лучше всего искать где-нибудь под фонарем.

3

Дошла очередь и до Александра Юрьевича. Он вошел в библиотеку, все стены которой были уставлены стеллажами с пыльными книгами. Сколько их? Несколько тысяч, не счесть. Ему хотелось рассмотреть хотя бы корешки переплетов, но времени сейчас не было. Комиссар Куруладзе, подкрутив ус, резво начал допрос.

– Цель вашего приезда? Род занятий? Где прописаны? Связаны ли со спецслужбами России?

– На какой из этих вопросов отвечать в первую очередь? –

поинтересовался Сивере.

– Начнем с документов.

– Извольте, – Александр Юрьевич протянул ему свой паспорт. – Я историк. Древние манускрипты, старинные архивы и все такое прочее. Но сюда я приехал не работать, а отдыхать.

– Ужели? – недоверчиво хмыкнул комиссар, изучая его паспорт. – Из Москвы, так и знал. Медом тут намазано вам, что ли... Учтите, мы здесь особо не церемонимся. С кем из постояльцев «Монастырского приюта» вы были знакомы прежде?

– Да ни с кем! – взорвался Сивере. – Я и сейчас-то еще толком не знаю, как кого зовут. Кроме этого... Багрянородского.

– Держитесь от него подальше, – вставил помощник комиссара, который все это время стоял за спиной Сиверса. – Голову даю на отсечение, что это он выбросил человека из фуникулера.

– Заткнись, Макс! – оборвал его Куруладзе, а Александр Юрьевич, повернувшись к рыжему здоровяку с кобурой, насмешливо заметил:

– Каким таким образом? Ведь Багрянородский стоял вместе со всеми нами на смотровой площадке.

– Этот найдет способ... – проворчал Макс. У него были круглые пустые глаза навывкате. «Настоящий имбицил», – с тревогой подумал Сивере, отодвинувшись на всякий случай

подальше. Куруладзе забарабанил по столу пальцами в кольцах. Они были чуть ли не на каждом из них, а на некоторых и по два сразу.

– Что можете показать по существу дела? – уже мягче спросил он. – Значит, вы тоже утверждаете, что видели, как кого-то выбросили из кабины фуникулера?

– Послушайте, это же несерьезно. Мы ведь не в пустыне, где случаются миражи. Да, утверждаю.

Вновь барабанный стук и долгое молчание. Куруладзе что-то изучал на потолке, попыхивая трубкой. Очевидно, он очень хотел походить на комиссара Мегрэ или Шерлока Холмса.

– ...И когда фуникулер прибыл на место, кабина оказалась пустой... – размышляя вслух, произнес комиссар. – А кто первым вошел внутрь?

– Молодой парень. Кажется, молодожен. Он еще назвался морпехом, – подсказал Сивере.

– Совершенно верно, лейтенант Дембович, – кивнул Куруладзе, заглянув в свои бумажки. – Приехал провести здесь медовый месяц. Жена миленькая... Но как убийца мог незаметно для всех покинуть кабину?

– Это вы у себя или у меня спрашиваете?

– У вас, а у кого же еще? – рявкнул Куруладзе.

– Я считаю так, – снова вмешался помощник. – Этот Дембович и убил того человека.

– Макс, уйди!.. – простонал комиссар. – Ты меня оконча-

ешь.

Рыжий детина обиженно повел плечами и отошел к окну.

– Бультерьер, – кивнул в его сторону Куруладзе. – Хватка мертвая, а мозгов нет. Наградил меня бог помощничком. Ну да ладно, других все равно нету. Все дельные в Москву да в Европу подались, на заработки. Хорошо, а что-нибудь особенно подозрительное вам запомнилось?

– Крик, – подумав, ответил Сивере. – Было в нем нечто странное. Не могу сформулировать. Но человек так кричать не может. Скорее, какое-то животное. Может быть, обезьяна. Но это мое личное мнение.

Комиссар снова отбил по столу барабанную дробь и хмыкнул.

– Обезьяны в наших горах не водятся, – сказал он. – И в фуникулерах не ездят. Тем более в черных плащах.

– Вам, конечно, виднее, – согласился Сивере. – Я могу идти? Голова разболелась.

– Можете, – отозвался усатый полицейский, возвращая паспорт. – Только гостиницу не покидать.

Тут уж историк усмехнулся и произнес:

– А как вы себе это представляете? По воздуху, что ли? И рад бы, да не смогу.

4

Александр Юрьевич действительно испытывал сейчас

сильную головную боль. Но не из-за бессмысленного разговора с комиссаром Куруладзе, а потому, что в какое-то мгновение вдруг почувствовал, как его словно пронзила острая игла – в висок, пройдя сквозь мозг. Это было странно-неприятное ощущение, мучительное и вместе с тем озаренное пронзительным светом. Перед ним как бы приподняли занавес, всего лишь на доли секунды, но он успел увидеть нечто поразительно страшное и необъяснимое, какую-то дьявольскую мизансцену, алогичную метафизическую фантазмагорию, микросхему и алгоритм будущих событий, в которых именно ему – Александру Юрьевичу Сиверсу – надлежит исполнить главную роль.

Его как песчинку затянуло в поднимающийся к небу смерч, нежданно возникший среди тишины и покоя, и изменить что-либо уже невозможно. Прозоров прав: обратно дороги нет. Но почему, почему так произошло и что именно все это означает? Неужели его пребывание здесь далеко не случайно, а кем-то или чем-то предрешено? Искусно задумано и спланировано? И в людских ли умах? Сиверсу показалось, что его нарочно выманили из Москвы, из уютной квартиры, из кабинетных раздумий, чтобы явить миру и показать нечто невиданное. Зачем, с какой целью? А все обитатели «Монастырского приюта» – тени, призраки, ожившие на некоторое время фантомы. А может быть, и соучастники хитроумной бесовской игры. Так ли?

Откуда в его почтовом ящике появился рекламный про-

спект с видом на готический монастырь? Хорошо, допустим, теперь в ящики бросают любую дрянь, кто-нибудь да клюнет. Но почему он, трезвомыслящий историк, неожиданно убедил самого себя – консервативнейшего из всех людей – взять и приехать в это богом забытое место? Смог проглотить наживку вместе с крючком. Есть ли это свобода воли или предначертанность судьбы? И Прозоров... Этот-то что тут делает?

Нет, все не случайно, все расписано в каком-то inferнальном сценарии. А гибель человека из фуникулера? И эта загадочная брюнетка Анна, старик из рода Романовых, плутоватый хозяин гостиницы и все прочие... Чертовщина какая-то. Взять хотя бы Багрянородского с его фальшивой интонацией и полунамеками. Так и хочется дать в морду, чтобы отвязался. Что же теперь делать? И почему эти две старухи приняли его за какого-то Скабичевского из Ковно? Откуда они могли знать, что когда-то давным-давно в детстве родители действительно называли маленького Александра на польский манер Янеком? Была такая причуда.

Выходя из библиотеки, Сивере растирал пальцами виски. От всех этих вопросов, внезапного озарения и полного непонимания всего происходящего и возникла головная боль, застрявшая в мозгу длинной спицей.

- Били? – послышался рядом голос Багрянородского.
- Ну вас! – отмахнулся Александр Юрьевич.

«Странный монастырь, очень странный» – так думал Сивере, поднимаясь по каменным ступеням крутой лестницы к верхней террасе. Его сейчас больше занимали не происшедшие в монастыре события, а сама архитектура. Он еще прежде заметил не свойственную этой отдаленной от Центральной Европы местности готическую направленность монастыря. Мастера, потрудившиеся в нем, определенно знали схему кладок каркаса, стрельчатых арок и крестовых или звездчатых сводов. А внутренний интерьер, статуи, консоли? Положим, внешность любого здания – это макияж, и на один и тот же объем можно навесить что угодно: и готику, и барокко, и ампир, хоть мавританские кружева. А к какому веку отнести это творение? Одиннадцатый? Тринадцатый?

Выбравшись на террасу, Александр Юрьевич обратил внимание на плоскую вертикальную стелу, стоящую на постаменте. С лицевой стороны она была покрыта орнаментальным резным узором с большим крестом в центре. У подножия был изваян герб: мифическая голова, держащая в зубах кольцо, к которому были прикованы два льва, а между ними – орел, сжимающий в когтях овечку.

– Оч-чень интересно... – прошептал Сивере, всматриваясь в орнамент. Княжеский герб рода Прошянов. Александр Юрьевич не мог ошибиться. Как историк, он обладал про-

фессиональной памятью на имена и даты. Теперь он вспомнил и о существовании подобных «пещерных монастырей» в Гегамских горах, о храмовых ансамблях Айриванка, высеченных в скалах. Не так уж и далеко отсюда. Значит, Прошянов занесло и в это место. Может быть, под этой стелой захоронен кто-нибудь из их рода? Сивере сидел на корточках и разглядывал постамент, а в это время позади него раздался голос подкравшегося Багрянородского:

– Чего это вы там потеряли?

– Пуговицу, – выпрямляясь, огрызнулся историк. – А что вы за мной ходите?

– Есть интересная новость. Докладываю. Пока этот болван Куруладзе изображает из себя Пинкертон и проводит кретинские допросы, я побеседовал с Матвеем Матвеевичем и другими постоянными постояльцами отеля. И кое-что потряс.

– А почему вы мне «докладываете»? Я вам что – генерал?

– Слушайте, слушайте. Братья Афонины жили в одном номере. И часто ссорились. Дело даже доходило до драки, по уверению того же Матвея Матвеевича. Он был их соседом и невольным свидетелем этих семейных скандалов. Чего-то там не могли поделить. Чего-то такое, что нашли здесь, в «Монастырском приюте». Тут ведь целый кладезь для археологов. Надо только смотреть сквозь стены. Смекаете? Вот и вы что-то углядели в этой хачкаре, не так ли? – и Багрянородский кивнул в сторону стелы с крестом и княжеским гер-

бом. Потом продолжил, опасливо оглянувшись на уходящую вниз лестницу: – Братья Афонины приехали сюда не как туристы или отдыхающие. Они имели определенную цель. Потому что постоянно рыскали вокруг, простукивали кладку, залезали во все норы и щели. Об этом говорят все постояльцы-старожилы.

– Ну и? – надменно спросил Сивере. – Докладывайте дальше, майор.

– Ну и вывод: то, что они нашли, явилось причиной смерти одного из них. А вот где второй брат – загадка. Что вы по этому поводу думаете?

– Ничего. И надо добавить: даже не хочу ничего думать. Пусть этим занимается Куруладзе.

– Куруладзе – дурак. Он до сих пор уверен, что никакого убийства не было, а просто-напросто групповая галлюцинация. И через пару дней братья Афонины появятся здесь. Как же, ждите! Тс-с!.. – тут Багрянородский проворно отступил в сторону и начал всматриваться в темный провал лестницы.

Послышались чьи-то легкие шаги. Так могла ступать только женщина. Сивере почему-то уже догадался, кто это.

6

Бледная брюнетка, так напоминающая мраморную статую, вошла на террасу. В красном облегающем платье она выглядела чрезвычайно эффектно. Даже вызывающе-со-

блзнительно, хотя строгие черты лица не располагали к фривольному общению. И вообще во всем ее облике было нечто пугающее, но одновременно и завораживающее, словно ледяное дыхание смерти.

– Извините, я думала, здесь никого нет, – негромко произнесла женщина, глядя прямо в глаза Сиверсу. И тот отчего-то поежился. Она прошла мимо них и остановилась на другом конце террасы.

– Анна Горенштейн, вдова, тридцать один год, – прошептал всезнающий Багрянородский. – Чрезвычайно богата, одинока и подвержена нервическим приступам. Помните, как она истерично кричала, когда Афонина вытолкнули из фуникулера? Приехала сюда лечить душевную скорбь, а тут...

Он не окончил фразу, поскольку брюнетка направилась к ним.

– Вы не могли бы оказать мне одну услугу? – обратилась она к Сиверсу. При этом щеки ее слегка порозовели. На Багрянородского она вообще не обращала никакого внимания, словно его тут и не было. Или это просто стояло одно из каменных изваяний.

– Я? – удивился историк. – Отчего же нет... Как же. Могу.

– Видите ли... – тут она замолчала, впервые с удивлением взглянув на Багрянородского: что это еще тут такое? Пауза стала затягиваться. Сиверсу пришлось слегка подтолкнуть настырного частного детектива в плечо.

– Ухожу-ухожу, – усмехнулся Багрянородский, подняв руки. – Не стреляйте в спину.

Когда он исчез, загадочная брюнетка промолвила:

– Затрудняюсь объяснить. Вопрос очень щекотливый. Словом, вы не могли бы провести со мной сегодняшнюю ночь?

Александр Юрьевич опешил, застыв с полуоткрытым ртом. Прошло несколько секунд, прежде чем он вновь обрел дар речи:

– Простите?

– Стоп, задний ход. Вы меня неправильно поняли. Речь не о сексе. Просто вы мне кажетесь здесь наиболее благородным и положительным человеком. А в номере у меня... какие-то непорядки. И я не знаю, к кому обратиться. Я боюсь, – добавила она тихо.

– Что за «непорядки»? – спросил Сивере. – Расскажите толком. Уж не привидения ли балуют?

– Может быть, – серьезно ответила Анна, не поддерживая его шуточный тон. – В прошлую ночь я видела человека, который проник в мой номер, хотя дверь была заперта. Как он там оказался, не знаю. Я зажмурилась, притворилась спящей, даже закрылась с головой одеялом. Кричать или позвать на помощь не могла от страха. Он вел себя очень тихо, но явно что-то искал. Слышалось какое-то шуршание, постукивание. Потом он исчез. Когда я проснулась...

– Минуточку! – перебил ее Сивере. – Значит, вы все-таки

спали? Непонятно.

– Да, я уснула. Видите ли, в экстремальных ситуациях, когда грозит какая-нибудь опасность, меня всегда клонит в сон. Я попросту проваливаюсь в полное забвение. Так вот, когда я все-таки очнулась, – а это случилось уже под утро, – в келье, естественно, никого не было, но некоторые предметы оказались сдвинутыми. В том числе и мои личные вещи. Будто их трогали, рассматривали.

– Лица этого человека вы, конечно, не разглядели? – спросил Александр Юрьевич, поскольку брюнетка умолкла, молитвенно сложив руки на груди.

– В темноте-то? Нет, только силуэт.

– А вам не могло все это присниться?

– Нет, исключено. Вы мне не верите? – в голосе ее появились звенящие нотки. Она явно волновалась и не могла притворяться.

– Какие лекарства вы принимаете? – напрямую спросил Сивере.

– Немного «Реланиума». От нервов. Но таблетки не виноваты. И я уверена, что этот человек сегодняшней ночью придет снова.

– Почему?

– Вот.

Анна Горенштейн протянула руку, разжав пальцы. На ладони лежала золотая цепочка с медальоном.

– Я нашла это на полу, утром. Судя по всему, они принад-

лежат тому человеку. Возможно, цепочка оборвалась, но он не заметил. А теперь непременно явится за медальоном.

Александр Юрьевич принял от нее золотую вещицу, заметив, как подрагивают ее пальцы.

– А почему вы не сообщили об этом хозяину гостиницы или комиссару Куруладзе? – озабоченно спросил он. Ему очень не хотелось вляпаться в историю. Но и привораживающая сила брюнетки была столь велика, что он не мог просто повернуться и уйти.

– Они – местные, – ответила Анна. – Я им не доверяю. Они все заодно друг с другом.

Александр Юрьевич поднес медальон к глазам. Щелкнул крышечкой. Внутри была фотография красивой девушки. Подковырнув ее ногтем, Сивере обнаружил на оборотной стороне снимка какой-то текст. То ли арабская вязь, то ли иврит. Но сейчас его внимание привлекло другое. На внутренней поверхности крышечки был искусно выгравирован родовой княжеский герб Прошянов. Точно такой же, как на постаменте стелы, возле которой они стояли.

– Так вы согласны? – встревоженно спросила Анна. Задумавшись, ускользя мыслью в прошлые века, Сивере согласен кивнул.

Глава 3. В западне

1

Комиссар Куруладзе с Максом рыскали по всему монастырю, сами толком не зная, что ищут, но интересную находку обнаружили не они, а придурковатый племянник Тошика Полонского. Вынося ведро с пищевыми отходами, он углядел на дне мусорного бака какие-то красные тряпки. Порывшись, вытащил на свет два спортивных комбинезона. Там же лежали и альпинистские ботинки. Радостно гогоча, он притащил все это в гостиницу.

– Так! – сказал Куруладзе. – Не этими ли вещами вы снабдили братьев Афониных для путешествия?

– Ими самими, – недовольно ответил хозяин «Монастырского приюта». – Это безобразие – так обращаться с дорогостоящими комбинезонами. Когда они вернутся, выставлю счет.

– Боюсь, они уже не появятся, – произнес комиссар, пыхнув трубкой. – Начинаю все больше убеждаться, что преступление действительно имело место быть.

– Надо его как следует допросить, – вставил Макс, взяв за шкурку улыбающегося племянника. – Он у меня во всем признается.

– Отпусти, – приказал Куруладзе. – Вопрос стоит так: либо сами Афонины спрятали эти вещи, либо их сняли с трупов и спрятали.

– А кто же тогда выпал из фуникулера? – спросил крутившийся тут же Багрянородский.

– В этом еще предстоит разобраться. По крайней мере, до сих пор тело не найдено.

Комиссар связался по радиации со спасателями, обследовавшими дно ущелья. Новостей не было. Трубка продолжала дымить. Племянник идиотски улыбался. Макс зачем-то принюхивался к комбинезонам. Тошик держал в руках поднос с тремя чашками кофе. Александр Юрьевич Сивере стоял чуть в сторонке, рядом с молодоженами.

– Будем ждать, – важно изрек Куруладзе. – Предупреждаю: никто не имеет права покинуть гостиницу без моего разрешения.

Он взял с подноса одну из чашечек и отпил из нее. Потом еще более глубокомысленно добавил:

– Не нравится мне все это. Нет, не нравится.

2

После обеда постояльцы гостиницы разбрелись кто куда, разделившись на несколько групп. Одни бродили в окрестностях монастыря, вроде молодоженов Дембовичей и лысого князя Романова, другие – в основном старики – отдыхали

в шезлонгах на специально оборудованной площадке между двумя башнями, третьих повел на экскурсию по внутренним галереям Багрянородский, рассказывая о декоративных фресках, барельефах, резных орнаментальных узорах, покрывавших стены, арки и наличники окон. Тут было на что посмотреть и чему подивиться.

Сивере, побыв немного с этой группой и послушав дилетантскую болтовню Багрянородского, путающего грифона с пифоном, замедлил шаг, отстал, а потом свернул в плохо освещенный коридор, который и вывел его в небольшой зальчик. Он имел квадратную форму с несколькими утопающими в стенах нишами и куполообразный свод со средневековой росписью. Свет в помещение проникал через потолочные витражи. Очевидно, прежде здесь находилась одна из монастырских молелен, сохранилась даже алтарная основа в центре зала.

Александр Юрьевич начал рассматривать аллегорические фигурки зверей на фресках, когда кто-то неожиданно тронул его за плечо. Едва не вскрикнув от неожиданности, Сивере оглянулся. Перед ним стоял Прозоров. Судя по всему, он бесшумно вышел из какой-то ниши.

– Нервы, – произнес давний приятель. – У меня тоже пошаливают.

– Ты что тут делаешь?

– Изучаю. Хорошее место, чтобы спрятать труп.

– Чей?

– Твой, – засмеялся Прозоров.

Сивере скривил улыбку:

– Обхохочешься, как же.

– Не дуйся, лучше скажи, о чем ты беседовал с этой брюнеткой, Анной Горенштейн? – его тон вновь стал серьезным.

Александр Юрьевич на некоторое время задумался: сказать правду или отшутиться? А вдруг медальон принадлежит Прозорову? Откуда он вообще знает, что они разговаривали? На террасе в те минуты никого не было.

– Видел вас с боковой галереи, – словно угадав его мысли, пояснил Прозоров. – Монахи не дураки, построили так, что любая точка просматривается. Тебе кажется, что ты один, а кто-то уже за тобой следит и изучает. Кроме того, целая система скрытых ходов и переходов в толстых стенах. Тут, по существу, внутри монастыря еще один монастырь. С жилыми комнатами. На случай внешней угрозы. Врагов-то в те времена много было. А подземелья? Да мы с тобой это в университете проходили, сам знаешь.

– Знаю, – согласился Сивере. – Но не думал, что сам когда-нибудь окажусь в таком вот скалистом храме.

– Так что она у тебя вынюхивала?

– Ничего. Обычный светский треп. Что-то о погоде и видах на жительство.

– Врешь. Сам потом будешь кусать локти. Учти – она международная авантюристка. Я ее узнал, видел в Москве на польских раутах. Та еще штучка, живьем проглотит.

– Мне говорили, она вдова, – возразил Сивере.

– Прикрытие, – отрезал Прозоров. – Впрочем, может, и вдова. Одно другому не мешает. Значит, и мужа слопала. Мне интересно: каким ветром ее занесло в эти проклятые горы? Так просто она не приехала бы. Значит, что-то здесь созревает.

– А ты не спятил от подозрительности?

Сокурсник усмехнулся, с каким-то сожалением посмотрел на Сиверса. Затем, понизив голос, произнес:

– А ты погляди, что я обнаружил в той нише, – махнув рукой, он повел Александра Юрьевича за собой. Включил фонарик, и желтый луч осветил стену. В небольшое укрытие едва могли втиснуться два человека. А на кирпичной поверхности мелом были начертаны всего четыре слова, которые буквально повергли приезжего историка в шок: «ЗДЕСЬ БУДЕТ УБИТ СИВЕРС». Фонарик погас.

– Так вот... – прошептал Прозоров, вытягивая ошарашенного Александра Юрьевича из ниши.

3

В глазах у Сиверса продолжали мерцать эти четыре слова, будто проступившее на стене пророчество. Александр Юрьевич заперся в своей келье на задвижку, да еще повернул в замке ключ. Ему было дурно. От Прозорова Сивере избавился в коридоре, а теперь пытался собраться с мыслями. Что

могла означать эта надпись? Глупый вопрос, ответил себе историк: то, что написано, то и означает. Первым его желанием было немедленно уехать из этого ставшего вдруг смертельно опасным «Монастырского приюта». Хорош «приют», скорее уж фараонова гробница.

Потом он решил пойти к комиссару Куруладзе, благо тот еще оставался со своим помощником здесь, и привести его в алтарный зал, показать нишу и роковое предупреждение. Но что это даст? В лучшем случае высмеют. Сочтут, что надпись сделана им самим, и примут за шизофреника.

А кто вообще знал, что его фамилия – Сивере? Хозяин гостиницы, который регистрировал паспорт (а стало быть, знало и все его семейство), Багрянородский, с ним он познакомился на смотровой площадке в ожидании фуникулера; а также комиссар Куруладзе, проводивший допрос. И, разумеется, Прозоров. Да любой мог узнать, заглянув в «Гостевую книгу», она свободно лежала на гостиничной стойке под ключами от пустых номеров.

А если это просто чья-то глупая шутка? Того же Прозорова? При такой мысли Александр Юрьевич начал немного успокаиваться. Герман еще в университете устраивал всякие дурные розыгрыши. Что ему стоило черкнуть мелом по стене, пока Сивере разглядывал фрески? Но теперь-то ему чего надо? Напугать, выбить из-под ног почву? Ежели так, то своей цели он почти добился. Александр Юрьевич чувствовал, как у него слегка дрожат пальцы, а подойдя к зеркалу,

увидел свое бледное лицо.

– Ф-фу! – выдохнул он. – Попался, как сопливый мальчишка.

Ему даже стало стыдно за свое поведение. Раскис, разнюнился, а дело выеденного яйца не стоит. Конечно, Прозоров или другой такой же болван, вроде Багрянородского. Надо взять себя в руки и успокоиться. Никто здесь не будет убит, тем более он, Сивере. И насчет Анны Горенштейн – все выдумки. Никакая она не международная авантюристка, а просто несчастная вдова, которой грозит опасность. Если кто-то потерял в ее комнате медальон, то вполне может явиться за ним этой ночью. Кто-то из постояльцев или семейства Полонского. Что ж, любопытно будет посмотреть...

Александр Юрьевич зажмурился, представив себе эту ночную встречу. А если у того будет оружие? Что он искал в ее комнате? Как любой кабинетный ученый, Сивере не умел драться, никогда не держал в руках пистолет и даже со столовым ножом обращался предельно деликатно, опасаясь порезаться. Но ночное дежурство в номере Анны Горенштейн представилось ему сейчас как романтическое приключение, экскурс в студенческое прошлое, возврат в молодость, вызов его теперешней тусклой жизни. Шмыгнув носом, Александр Юрьевич почувствовал витающий где-то рядом легкий флер любви. Так или нет, но сердце застучало чуть быстрее обычного, и он преглупо улыбнулся, поймав еще раз свое отражение в зеркале.

Монастырский притвор рядом с трапезной был переоборудован под гостиничный холл. Вдоль стен стояли мягкие кресла, на столиках лежали не первой свежести газеты и журналы, два ноутбука, имелся даже небольшой бар в углу, причем потребление напитков входило в стоимость проживания. Кто желал – тот сам себе и наливал, но, как правило, контингент «Монастырского приюта» состоял из пожилых людей, редко прибегавших к услугам бара.

Сивере зашел за стойку, выбрал из самых разнообразных бутылок армянский коньяк, плеснул себе немного в пузатую рюмку и опустился в удобное кресло. Пахучая жидкость приятно обожгла небо, согрела горло. Мысли вновь потекли к предстоящему ночному свиданию с интересной вдовой. По уговору, он должен был постучать ей в дверь три раза, ровно в полночь. Ее келья находилась в левом крыле, на третьем ярусе и значилась под номером семь. Но странно, что Анна Горенштейн отсутствовала за ужином. Александр Юрьевич сделал еще один небольшой глоток.

– Славный вечер, – сказал он трем старикам, которые сидели напротив него в один ряд и, отложив теперь журналы, молчаливо взирали на пришедшего нарушить их покой. Это были постояльцы, жившие тут до приезда Сиверса. Не хватало лишь пожилого господина в очках с толстыми стеклами

– Матвея Матвеевича.

Не дождавшись ответа, Александр Юрьевич пожал плечами: он и сам не любил навязчивых болтунов. Но старики продолжали на него смотреть, и он почувствовал себя как-то неуютно под этим шестиствольным прицелом. Самое любопытное, что все трое чрезвычайно походили друг на друга, словно выбрались из одного ларца: благородная осанка, платиновая седина, тонкие поджатые губы, носы с горбинкой, почти не мигающие глаза. Что за люди – шут их разберет. Улыбнувшись, Сивере предпринял еще одну попытку установить контакт:

– Не хотите, братцы, присоединиться? – и он постучал по пузатой рюмке ногтем. – Отменный коньяк.

Три старика отрицательно покачали головами. «Интересно, как Багрянородский сумел их разговорить?» – подумал Сивере. Просто мумии в сюртуках. Похоже на то, что они живут тут со дня основания монастыря. Уже ко всему привыкли, все знают и ничего не хотят. И почти не дышат. Слово по команде старики взяли за журналы и потеряли к Сиверсу всякий интерес. Александр Юрьевич облегченно вздохнул. Он допил коньяк и уже собирался уйти, как в холле появился четвертый из постояльцев – Матвей Матвеевич.

Выглядел он необычно. Во-первых, шел и натыкался на мебель, едва не опрокинув журнальный столик и чуть не угодив в стойку бара. Поначалу Сивере даже подумал, что тот вдребезги пьян. Во-вторых, на лбу у Матвея Матвееви-

ча красовались здоровенная шишка и синяк. А в-третьих, на его носу отсутствовали привычные очки с толстыми стеклами. Тут только Александр Юрьевич догадался о причине его странного поведения: старик почти ничего не видел.

Историк поспешно вскочил, поддержал запнувшегося Матвея Матвеевича и усадил в кресло. Три пожилых постельца, отложив журналы, уставились на них. Как троица африканских грифов в поисках падали.

– Покорно благодарю, – промямлил Матвей Матвеевич.

– У вас на лбу шишка, – сказал Сивере. – И кровь.

– Знаю! – ответил тот. – Ударился об косяк. Хуже, что я потерял очки. Вернее, с меня их сорвали.

– Как это могло случиться? – не поверил Александр Юрьевич. Уж слишком нелепо прозвучали его слова. Подобное хулиганство могло произойти в каком-нибудь лагере бойскаутов, но не здесь.

– А вот так и случилось! – сердито пояснил старик. – Шел по коридору, а кто-то налетел сзади и сорвал. Я даже опомниться не успел. Теперь только пятна вижу. Куда меня занесло?

– В гостиничный холл. Кто же мог так над вами подшутить?

– Понятия не имею. Какой-нибудь урод. Может быть, этот придурковатый племянник хозяина? Один раз он стянул у меня шляпу, насадил на палку и скакал вокруг монастыря, пока не поймали. Вы не могли бы проводить меня в мой но-

мер? Там запасные очки.

– Извольте, – охотно согласился Сивере, оглядываясь на стариков. Те уже вновь уткнулись в свои журналы. – Обопритесь на мою руку.

Им надо было пройти через пару коридоров, галерею и подняться на второй ярус, где находилось несколько монашеских келий, превращенных в номера. Вообще комнаты постояльцев были разбросаны по всему комплексу. Имелись и совершенно уединенные, башенные, которые в прежние времена занимали настоятели храма и схимники. Были и полуподвальные, сдаваемые по низким ценам любителям аскетической жизни. А наверняка существовали и совсем неудобные «каменные мешки», ныне, конечно же, вряд ли используемые. Александр Юрьевич также жил на втором ярусе, но кто были его соседи, узнать пока не удалось, да и не горел особым желанием. Теперь вот выяснилось, что один из них – Матвей Матвеевич.

На лестнице они столкнулись с хозяином гостиницы, спешившим по своим делам.

– Где ваш племянник? – спросил Сивере.

– Шишка! – произнес Тошик Полонский, указав пальцем на лоб Матвея Матвеевича. – Как его угораздило?

– Кто-то сорвал с него в коридоре очки. Есть подозрение, что это работа вашего племянника.

– Гелы? – всплеснул руками хозяин. – Исключено. Он уже полтора часа чистит картошку на кухне. И я с него, бездель-

ника, глаз не спускал. Да он и не способен на такие шалости.

– А кто же тогда, черт возьми? – заверещал старик. – А историю со шляпой помните?

– Шляпа совершенно бесхозно валялась в коридоре, – мягко ответил Тошик. – Ничего удивительного, что Гела подобрал ее. Вы, Матвей Матвеевич, очень рассеянны. Наверняка нечто подобное произошло и с вашими очками. Извините, я тороплюсь.

Протиснувшись мимо них, Полонский устремился вниз, а Матвей Матвеевич процедил сквозь зубы:

– Сволочь. Он меня с самого начала возненавидел. И есть за что. Я узнал его тайну. Стал невольным свидетелем.

– О чем вы? – спросил Сивере, решив, что старик начал заговариваться после столкновения с косяком.

– Это, молодой человек, вас не касается. Но ему очень хочется, чтобы я поскорее уехал, исчез. А вот дудки!

Они уже подошли к келье, расположенной в конце коридора. Рядом находился номер, опечатанный бумажкой со штампом. Это и было последнее прибежище братьев Афониных. А комнату Сиверса прошли ранее.

– Заходите! – буркнул старик, отпирая ключом дверь. – Вы вообще-то кто?

Александр Юрьевич пожал плечами, философски изрек:

– Напишут на надгробной плите, тогда и сам узнаю.

Он все же прошел в номер, хотя и не хотел. Точно такая же келья, как и у него, только с каким-то сырым, кислым

запахом. И в беспорядке разбросанные вещи. Будто кто-то что-то искал и очень торопился.

– Ничего не пойму! – пробормотал Матвей Матвеевич, коснувшись вывороченного чемодана. – Кто здесь похозяйничал? Где мои запасные очки?

– Эти? – произнес Сивере. Нагнувшись, он поднял с пола пластмассовый футляр. Внутри лежала сломанная оправа и стеклянное крошево.

Время шло медленно. До полуночи оставалось еще минут двадцать. Александр Юрьевич был уже готов: он сменил рубашку, надел бежевый шерстяной свитер и даже тщательно побрился. Хотелось выглядеть как можно лучше, ведь неизвестно, что ожидало его впереди.

Без десяти двенадцать он вышел из своего номера, закрыв дверь на ключ. Проходя по коридору, Сивере слышал что-то возбужденные голоса. Они доносились из кельи под номером пять, возле лестницы. Преодолевая искушение, Александр Юрьевич замедлил шаг, потом все же остановился и прильнул к скважине. Эта комната была значительно больше, чем его, рассчитанная на двух жильцов. Такая же, очевидно, была и у братьев Афониных.

Взору Сиверса предстали две кровати и сидящие на них тетушки-лисиčky – Алиса и Лариса, одна в голубом, а другая в розовом пеньюарах. Они методично взмахивали одинаковыми гребнями, расчесывая седые букли, и громко спорили.

– Говорю тебе, это он! – утверждала первая. – Негодяй.

Как ловко спрятался.

– А если мы опять идем по ложному следу? Помнишь, что случилось в Киеве? Уже после этого евромайдана? Сколько шуму и все впустую. Еле самим удалось исчезнуть. Нет, надо все тщательно проверить, – вторая тетушка яростно заработала гребнем. Да так, что из волос чуть не посыпались электрические искры.

«О чем это они?» – со смутной тревогой подумал Сивере.

– Тогда мы ошиблись, сейчас на карту поставлено все.

– Предлагаешь изменить план? А если... – тут они сдвинулись друг к другу и стали говорить шепотом. Александр Юрьевич, как ни напрягал слух, так ничего расслышать и не смог. Да и время уже подпирало, стрелки часов показывали без трех двенадцать.

С досадой махнув рукой и обругав про себя тетушек «старыми трещотками», он поспешил к лестнице, которая вела на третий ярус монашеских келий. «Эти две лисицы попросту выжили из ума!» – уверил себя Сивере. Или начитались каких-нибудь иронических детективов, вот и заигрались. Впрочем, стоит приглядеться к ним повнимательней...

Тут его кольнула одна мысль: а ведь Прозоров от кого-то прячется, его кто-то преследует? Уж не эти ли старые девы? Мысль показалась смешной и донельзя глупой, но чего только не бывает в этом подлунном мире.

Пройдя по полутемному коридору, освещаемому лишь тусклой лампочкой в железном каркасе, Сивере остановился

возле двери с номером семь. Сдерживая биение сердца, постучал условленным способом. Тотчас же щелкнула задвижка, на пороге возникла фигура Анны Горенштейн, которая предостерегающе прижала палец к губам, и он очутился в келье. На столике в глубине комнаты горели свечи, а по стенам скользили причудливые тени. Глаза хозяйки влажно блестели, на плечи ее была накинута белая ажурная шаль.

– Спасибо, что пришли, – сказала Анна. – Мне казалось, вы передумаете.

– Я держу слово, – отозвался Сивере. – Кто ваши соседи?

– Слева и справа – две пожилые четы. Которые приехали вместе с нами на автобусе. Милые люди, но я еще не успела с ними толком познакомиться. Почему вы спрашиваете?

– Здесь все очень подозрительно. Не пойму, но действительно происходит что-то странное. Что-то давит. Даже тишина такая, словно грядет тайфун.

– У меня такое же ощущение, – призналась Анна. – Хорошо, что мы оба чувствуем это. Присаживайтесь.

Александр Юрьевич опустил в предложенное кресло. Положа руку на сердце, он не представлял, как вести себя дальше и о чем говорить? Ситуация выглядела несколько нелепо: двое малознакомых взрослых людей, которых ничто не связывает, сидят в монашеской келье, как в засаде, и ждут третьего – неизвестно кого и зачем. И почему он вообще должен явиться?

– Покажите еще раз медальон, – произнес Сивере. – Хочу

рассмотреть получше.

Золотая вещица оказалась в его ладони, он пододвинулся к свече и щелкнул крышечкой. Женское лицо на фотографии кого-то напоминало. Александр Юрьевич готов был поклясться, что уже где-то видел эту юную особу, возможно, давным-давно, но пока не мог вспомнить. Кто она? В медальонах носят снимки любимых и дорогих женщин, стало быть, тот, кто его потерял, не сможет не огорчиться. И наверняка пустится на поиски. Он вытащил фотографию и посмотрел на обратную сторону.

– Интересно, что здесь написано. И на каком языке?

– Я знаю иврит, – ответила Анна. – Эта брачная надпись означает – «Невесте Царя».

– Гм-м... – издал неопределенный звук Сивере. – Надо потушить свечи. Если кто и придет, он может увидеть свет сквозь замочную скважину.

– Вы правы, – согласилась хозяйка. Вскоре они очутились в крошечной тьме, поскольку и крохотное оконце было задернуто плотной шторой. «Совсем дико», – вздохнул Сивере, стараясь не шевелиться. Он вновь начал сожалеть, что позволил вовлечь себя в эту историю. Еще вспомнилась зловещая фраза, написанная мелом на кирпичной стене в нише: «Здесь будет убит Сивере».

«Хорошо хоть не здесь, в келье, а там», – подумалось ему. А может быть, имелся в виду конкретно «Монастырский приют»? Чего проще – накинуть сейчас удавку на шею и за-

тянуть узел? Чертовщина какая-то...

Так, в полной темноте и молчании, прошло минут десять.

– Однако мы, таким образом, можем и умереть от скуки, – хриплым голосом произнес Александр Юрьевич, разминая заболевшую шею. Анна Горенштейн не ответила. Ни единого шороха. Он даже не был уверен, дышит ли она, столь мертвая тишина стояла вокруг. Подождав еще некоторое время, Сивере хрустнул суставами, потянулся. Сколько можно ждать? Два часа, четыре, до самого рассвета?

– Расскажите о себе, коли уж мы оказались в одной лодке, – попросил он. И снова – никакой реакции. Тут Александр Юрьевич не на шутку забеспокоился. Что могло произойти? Обморок?

Он полез в карман, вытащил припасенный коробок спичек и чиркнул, освещая пространство. То, что он увидел, поразило его сильнее, чем удар сковородкой по голове. Это состояние длилось столько, сколько горела спичка, пока не обожгла пальцы. Дело в том, что Сивере ничего не увидел. Вернее, никого. Комната была пуста.

Глава 4. Жена хозяина

1

Перед рассветом Сивере решил уйти. Ждать Анну Горенштейн или кого-то там еще не было больше никакого смысла. Он и так проторчал тут несколько часов, и ясно, что над ним попросту издеваются. Либо произошло нечто непредвиденное. Уж не вмешательство ли каких-то потусторонних сил? Он усмехнулся.

Александр Юрьевич не был мистиком и относился ко всякого рода аномальным явлениям с плохо скрытым скептицизмом: он считал, что все в этом мире познаваемо и объяснимо, имеет конкретную природную или человеческую основу. За всем сверхъестественным маячат тени людей. Причем живых, а не мертвых. Просто надо уметь вычислить их, сорвать маски. Без которых не обходились ни древнеегипетские жрецы, ни управители тайных обществ, ни создатели новых психотропных религий или информационных войн. Как историк, он это прекрасно знал.

Собственно, уйти Сивере порывался каждые полчаса, но что-то его удерживало. А вдруг Анна появится именно в эту минуту? Он обследовал каждый закуток кельи, но спрятаться здесь было невозможно. Конечно, в темноте она могла

просто выскользнуть за дверь. Это наиболее разумное объяснение.

Но зачем, с какой целью? Не могли же ее насильно увести? Он сидел буквально в двух шагах от нее, должен был услышать хоть какой-то шум. Еще одна загадка в череде других. Свечи уже догорали. На столике лежал золотой медальон. Подумав, Сивере сунул вещицу в карман, затем потушил свечи и покинул келью.

К себе он вернулся в тревожном расположении духа. Часы показывали начало шестого. Сивере зажег лампу, неторопливо разделся, облачился в пижаму. Об Анне Горенштейн старался больше не думать. Чтобы отвлечься, достал из саквояжа томик стихов армянского поэта Тер-Маркарьяна и раскрыл наугад. Прочитав пару строф, он сел на свою койку, не глядя, откинул одеяло, и тут его рука наткнулась на нечто мягкое и холодное.

Сивере повернул голову, книга выпала из рук, он испуганно отскочил в сторону. Под одеялом лежал человек, и он был, несомненно, мертв. Стекланный взгляд, полуоткрытый рот, застывшие черты лица, которого только что касалась рука Александра Юрьевича.

Сивере брезгливо посмотрел на свою ладонь и вытер ее о пижаму. «Тьфу, черт! – пронеслось в голове. – Да ведь это же Матвей Матвеевич!» Да, мертвец, уютно устроившийся на койке историка и поджидавший хозяина, был тем самым подслеповатым стариком, лишившимся своих очков. Сивере

почувствовал, что ему не хватает воздуха.

– За каким геморроем ему тут надо? – сердито прошептал он. Опасливо приблизившись к койке, словно Матвей Матвеевич мог неожиданно вскочить и замкнуть его в прощальных объятиях, Александр Юрьевич на всякий случай пощупал пульс. Все ясно, мертвее не бывает. А может быть, старик сослепу перепутал номер? И ключ подошел. Вполне объяснимая версия. Лег и умер. Тем более что следов насильственной смерти вроде бы не было. Или кто-то намеренно перетащил труп сюда?

Мысли в голове Сиверса скакали, как скакуны в песенке Газманова. Наконец он сосредоточился. В любом случае, первым делом надо избавиться от трупа Матвея Матвеевича, пока не проснулись постояльцы.

До рассвета еще полтора часа. Но куда его деть? Оттащить в какую-нибудь галерею или нишу? Никогда еще Александру Юрьевичу не приходилось решать столь сложной задачи. Всю свою сознательную жизнь он имел дело лишь с историческими покойниками, давно истлевшими и существовавшими только в книгах и в воображении. Реальный же труп оказался довольно тяжелой ношей.

Взвалив Матвея Матвеевича на плечи, ощущая подступающую к горлу тошноту, Сивере выбрался в коридор. Дошел до номера старика, толкнул дверь. Как он и предполагал, она оказалась не заперта. Александр Юрьевич довольно бесцеремонно свалил покойника на его кровать, перекрестился и

торопливо вернулся в свою келью. И только там облегченно выдохнул:

– Плыви дальше по Стиксу, старик, прощай...

2

Ни о каком сне, разумеется, не было и речи. Тем более о том, чтобы лечь на постель, где только что столь уютно отдыхал покойник. Единственное, что оставалось, – это ходить из угла в угол тесного номера, напоминающего камеру с решеткой, будто ты узник, ожидающий смертной казни. Наконец Сивере не выдержал, выбрался в коридор, торопливо зашагал к лестнице. Он спустился вниз, пересек по внутренней галерее гостиничный холл и поднялся по ступенькам к приделу, где располагалось несколько келий. Одну из них занимал Прозоров.

Александр Юрьевич постучал в дверь, автоматически взглянув на часы. Шесть утра. Наверняка еще поживает, старый картежник! Но дверь неожиданно быстро открылась, словно его ждали. На пороге стоял Багрянородский в халате.

– Э-э... – произнес Сивере. Он был уверен, что это номер Прозорова. Тот сам говорил – третья дверь от лестницы.

– Есть проблемы? – участливо спросил Багрянородский. Он был весел, от него разило вином. А где-то за спиной, в комнате раздался женский смех. Что-то там зазвенело, булькнуло. Упало и разбилось.

– Где Терракотов? – произнес Сивере, пытаясь заглянуть в комнату. Но Багрянородский очень ловко выдавил его плечом с порога.

– Прощения просим, – сказал частный детектив, посмеиваясь. – Ко мне нельзя. Особенно в пижамах. А Эдвард рыддышком, соседняя дверь. Туда!

И Александр Юрьевич остался в коридоре один. «Кто у него? Что за дама? – пронеслось в голове. – Вот так кобель!» Потоптавшись, Сивере постучался в соседнюю келью – четвертую, если считать от лестницы. На сей раз ждать пришлось довольно долго. Уже собираясь отправиться восвояси, Александр Юрьевич услышал какие-то шорохи, затем дверь чуть приоткрылась и высунулась голова Прозорова. Всклоченная и заспанная.

– Ну? – коротко бросил он.

– Есть дело, – так же кратко отозвался Сивере. – Пустишь?

– Заходи.

Номер Прозорова оказался еще меньше, чему Сиверса. Должно быть, когда-то здесь обитал самый аскетичный из монахов. Три метра в длину, два в ширину, не больше. Негде даже как следует развернуться. А все помещение заполнял табачный дым.

– Ты так и разгуливаешь по всему «Монастырскому приюту» в кальсонах? – усмехнулся Прозоров, закуривая очередную сигару.

– Ерунда, – отмахнулся Александр Юрьевич, закашляв-

шись. – Как ты можешь дышать в этой душегубке? Здесь уже не осталось воздуха.

– Мне воздух и не нужен. Даже вреден, как солнечный свет. Я – существо подземное. Рассказывай, что стряслось.

Сивере уселся на краешек единственного стула и выложил все, что случилось на рассвете. Но о том, где был ночью, умолчал. Некоторое время Прозоров молчал, переваривая информацию. Наконец глубокомысленно изрек:

– Гм-м!.. Правильно сделал, что оттащил старика в его номер. Иначе Куруладзе наверняка повесил бы на тебя его смерть. И сегодня днем ты бы уже гнил в местной тюрьме. А там бы уж во всем признался. К примеру, что Обама и Меркель дали тебе поручение устроить здесь «горную революцию».

– Это-то ясно. Не понимаю одного: как Матвей Матвеевич очутился в моем номере? И отчего помер?

– Ну, во-первых, он мог ошибиться дверью. А умер... Я все-таки изучал медицину, пошли, поглядим, пока никто не проснулся.

Поспешно одеваясь, Прозоров с подозрением глянул на Сиверса и спросил:

– Мне тоже кое-что не ясно: где ты был ночью?

– Засиделся в библиотеке, – не моргнув, ответил Александр Юрьевич. – Здесь просто кладезь редких книг.

– Люблю, когда врут больше меня, – усмехнулся Прозоров, выпустив в лицо сокурсника облачко сигарного дыма. –

Двинулись.

В коридоре Сивере остановился возле первой двери.

– Ты говорил – у тебя третий номер от лестницы, а оказывается четвертый. Переехал, что ли?

– Нет. Эта дверь – не в счет. Забыл тебя предупредить.

Александр Юрьевич коснулся рукой железных створок. Дверь действительно была меньше остальных, примерно в половину человеческого роста. И почему-то без замочной скважины.

– Куда же она ведет? – спросил он.

– В Преисподнюю! – оскалил желтые прокуренные зубы Прозоров.

3

Переходя вслед за старым приятелем из правого крыла монастырской гостиницы в левое, Сивере вновь вспомнил о Багрянородском. С кем же тот коротал ночь? Среди постельцев, подсчитал Александр Юрьевич, было шесть женщин. Плюс жена и дочь Тошика Полонского. Двух пожилых супружеских дам, а также тетюшек Алису и Ларису пришлось исключить. Вряд ли в номере частного детектива могла также находиться жена молодого лейтенанта Дембовича. Остается еще Анна Горенштейн, но стала бы она связываться со столь противной личностью, тем более что ее в собственном номере ждал Сивере?

Впрочем, женская натура – загадка. И царица может клюнуть на конюха. Но Александру Юрьевичу не хотелось верить, что его подозрения обоснованны. Слишком пошло это все выглядело бы. Тогда пришлось бы признать, что он сам круглый идиот, которого с какой-то целью обвели вокруг пальца. Он решил, что, скорее всего, в номере Багрянородского веселилась смазливая дочка хозяина – хорошо упитанная девица лет двадцати. Если только тот не любитель пожилых дам. Чепуха какая-то получается...

Оставив выяснение этого вопроса до лучших времен, Сивере подвел Прозорова к келье Матвея Матвеевича. И зачем-то постучал в дверь.

– У тебя совсем крыша поехала, – насмешливо произнес герой и всеобщий любимец их курса, этакая смесь Печорина со Ставрогиным. – Думаешь, старикан поднимется, впустит нас, поблагодарит за заботу, а потом ляжет на койку и вновь примет естественное для трупа состояние? Не дури.

Нажав на дверную ручку, он пропустил Сиверса вперед. Затем вошел следом, в пустой номер. Покойника не было.

– Ничего не понимаю! – смущенно произнес Александр Юрьевич, оглядываясь. – Что за дела творятся? Мертвец лежал здесь, на койке. Куда он мог исчезнуть?

– Не огорчайся, – ответил Прозоров. – Возможно, его снова перетащили в твой номер. Блуждающий труп, очень эффектно. А что, если ты сам в темноте ошибся дверью? Тем более что находился в стрессовом состоянии. Давай-ка, по-

глядим у соседей.

– Соседи только одни – братья Афонины, которые сами исчезли неизвестно куда и как, – уныло отозвался Сивере. – А номер опечатан.

– Распечатаем, – усмехнулся Прозоров, вынимая из кармана связку ключей. – В моей богатой прошлой жизни я научился проникать сквозь любые двери.

Под ногами у него что-то хрустнуло. Это был пластмассовый очечник Матвея Матвеевича.

– Кто-то лишил старика последней пары очков, – пояснил Александр Юрьевич. – Не связано ли это как-то с его смертью?

– Выводы будем делать потом. Когда найдем труп, – ответил Прозоров, выпуская колечко дыма. Похоже, он не расставался с сигарой даже во сне.

Приятель вышел из номера, прикрыв дверь. У соседней кельи их поджидал сюрприз. Бумажка с печатью уже была кем-то сорвала до них и валялась теперь на полу. А в замке торчал ключ.

– Не трогай! – предупредил Прозоров, приложив палец к губам. – Слышишь? Мне кажется, там кто-то есть. И едва ли это твой Матвей Матвеевич. Если только он не решил размять кости, а заодно и поговорить сам с собой. А может быть, вернулись братья Афонины?

Из номера доносились чьи-то приглушенные голоса. Неожиданно дверь открылась, на пороге возникли комиссар

Куруладзе и Макс. Немая сцена длилась несколько секунд. Кто был удивлен больше, сказать трудно.

– Ранние пташки? – усатый полицейский первым нарушал молчание, оглядывая пижамный ансамбль Сиверса. – Что это вы тут шляетесь?

– Совершаем утренний моцион, – пробормотал Александр Юрьевич.

– А я просто хожу, где хочу, как кот, – нагло добавил Прозоров. – Ну и как продвигается расследование, комиссар? Нашли труп?

Куруладзе сунул в рот трубку. Прозоров – сигару. Оба выпустили друг в друга по облачку дыма.

– Нашли, – ответил за своего начальника Макс. – Вон он. Тот, да не тот.

Посторонившись, он показал рукой на кровать, где лежал Матвей Матвеевич. Казалось, покойник даже радуется такому скоплению людей. Но объяснить ничего не хочет.

4

До принятого по монастырско-гостиничному распорядку завтрака было еще далеко, но в трапезной уже сидели четыре человека, а сам Тошик Полонский, поднятый с постели по такому экстренному поводу, подавал им кофе, сливки и яичницу с ломтиками жареного бекона. Затем и сам он пятым пристроился за общим столом. Единственное, о чем настоя-

тельно попросил, – не курить в трапезной, поэтому и трубка, и сигара оставались незажженными.

Макс поглощал пищу со свирепостью вепря. Прозоров и Куруладзе ели с умеренным аппетитом. А Сивере, успевший к этому времени сменить пижаму на спортивный костюм, едва ковырял вилкой. К тому же он чувствовал себя неуютно под постоянным пристальным вниманием комиссара.

– Ваша комната находится рядом с номером братьев Афониных, – сказал местный Мегрэ. – Когда мы с Максом решили сегодня перед отъездом еще раз заглянуть туда, печать уже была кем-то сорвана, а дверь не заперта. Но главное – на кровати лежал труп старика. Вскрытие еще покажет, отчего он умер, но пока мне хотелось бы знать, где вы провели ночь?

– В своей постели, – вяло отозвался Александр Юрьевич, решив до конца придерживаться этой версии. – А вышел, потому что послышались чьи-то голоса.

– Допустим. А вы, уважаемый? – комиссар посмотрел на Прозорова. – Ваше объяснение меня не устраивает.

– У меня бессонница, я вообще страдаю лунатизмом, вот и брожу, где попало, – усмехнулся тот. – К тому же часов до четырех утра я заигрался в нарды.

– С кем?

– С ним, – кивнул Прозоров в сторону Тошика.

– Подтверждаю, – произнес хозяин гостиницы. – Сильный мастер. Сколько знаю, все время меня обыгрывает.

Для Сиверса это заявление прозвучало несколько неужи-

данно. Он и не предполагал, что его сокурсник и Полонский такие заядлые игроки и приятели. Но комиссара услышанное не удивило.

– Что ж, ладно. По моим предположениям, судя по окоченению трупа, смерть наступила где-то около часа ночи. Но как покойник мог оказаться в опечатанном номере?

– Видите ли, замки в дверях довольно простые, при желании можно открыть шпилькой, – сказал хозяин. – Да и запасные ключи лежат за стойкой бара, почти на виду. У нас никогда не было случаев воровства, а уж тем более – убийств. Учтите, что Матвей Матвеевич был почти слепой. Он попросту вошел не в тот номер... и умер.

– Очень у вас все просто получается, – проворчал Куруладзе. А Сивере теперь догадывался, что, очевидно, так все и произошло, как объяснял Полонский. Только Матвей Матвеевич вначале очутился в его номере, где отчего-то скончался, а потом уж сам он по ошибке перетащил покойника не в его келью, а в комнату братьев Афониных. А дверь в нее по какой-то причине оказалась открытой. Рассуждение логичное, а другого пока нет.

– А я думаю вот что, – произнес вдруг Макс, доедающий вторую порцию: – Вы все врете, а бекон ваш с тухлятинкой. Старик не мог ошибиться дверью.

– А его слепота? – спросил Сивере.

– Она к тому времени уже прошла, – насмешливо отозвался комиссар. – Потому что с носа покойника мы сняли вот

это.

Он полез в карман и выложил на стол очки с толстыми стеклами.

5

Александр Юрьевич маячил перед входом в трапезную, поджидая Анну Горенштейн. Уж если она не придет к завтраку, значит, действительно что-то произошло и следует пуститься на ее поиски. Или поставить в известность комиссара Куруладзе, который сейчас готовился вместе с Максом и двумя сыновьями Полонского к транспортировке покойника на фуникулере в город.

Мимо Сиверса чинно прошли две пожилые супружеские пары, затем – говорливые тетушки Алиса и Лариса. Прошествовали один за другим три старика, внимательно оглядев Александра Юрьевича. Держась за руки, пробежали молодожены Дембовичи. Появился Багрянородский, заговорщически подмигнув историку и нагло похлопав его по плечу. Несколько раз туда-обратно пробежала дочка хозяина, покачивая упругими бедрами.

Наконец Александр Юрьевич, готовый уже покинуть свой пост, увидел Анну, которая почему-то шла под руку с лысым князем Романовым, столь похожим на мертвеца. Брюнетка выглядела еще бледнее обычного. А старик тяжело опирался на самшитовую трость, еле волоча ноги. Когда картинная

парочка поравнялась с Сиверсом, тот, еле сдерживая обиду, резко бросил:

– Послушайте, как прикажете это понимать? Может быть, вы все-таки объясните ваше поведение?

– Мы разве знакомы? – холодно спросила Горенштейн.

– Что вам угодно, милейший? – надменно добавил князь.

– М-мм... э-э... – промямлил удивленный Александр Юрьевич, уступая путь. К его ногам незаметно упал скомканный бумажный шарик. Такого поворота событий Сивере не ожидал. Ну, хорошо хоть жива. Поглядев им вслед, Сивере нагнулся и подобрал бумажку. Затем вышел в гостиничный холл и развернул. Неровным почерком там было написано следующее:

«Умоляю, не заговаривайте со мной при людях! Я вам потом все объясню. Случилось нечто ужасное. ОН здесь». При чем слово «ОН» было не только жирно обведено, но еще и подчеркнуто дважды. Александр Юрьевич несколько раз перечитал текст, но мало что понял. Что случилось и «кто» «здесь»? Не имеет ли он дело с очередной сумасшедшей? Все вокруг основательно запутывалось. Со злостью бросив бумажку в урну, Сивере отправился на утреннюю прогулку за пределы монастыря.

Собственно, побродить тут можно было лишь вдоль каменных стен, спуститься чуть ниже по склону к площадке для фуникулера или подняться по крутой тропке к вершине с вечной снежной шапкой. Но добираться до самого пика го-

ры было необычайно сложно и рискованно. К подножию скал когда-то вела прорубленная местными жителями и монахами тропа, но еще несколько веков назад она была разрушена землетрясением. В ущелье до сих пор виднелись ее части. Очевидно, только опытный скалолаз или старожил сумел бы пройти этот путь, от подножия до монастыря и дальше – к вершине горы.

Встав на краю обрыва, Сивере поглядел вниз, и ему стало дурно. Он с детства боялся высоты. Когда-то давным-давно, еще в студенческие годы, ему привиделся странный сон: маленькая фигурка человека, распластавшегося на острых камнях, бросившегося вниз – и этим самоубийцей был он, Сивере. Страшный сон, который все последующие годы таился где-то в глубине сознания. И сейчас вновь выплыл наружу. Не потому ли, что ущелье внизу так напоминало то место, которое было явлено ему в сновидении? Вздвогнув, Александр Юрьевич поспешно отступил.

Весь монастырь казался огромным Ноевым ковчегом, выброшенным на уступы горы, а его обитатели – последними людьми в земной истории. Что связывало их с раскинутым внизу миром? Стальная нить фуникулера, и только. Память и нравственные законы, которые можно стереть и написать новые. Больше ничего.

В кабину фуникулера заносили объемный пластиковый мешок черного цвета. Сивере догадался, что в нем находится труп Матвея Матвеевича. Накрапывал дождь. Неподалеку стояли хозяин гостиницы и его сухощавая жена, с одним зонтиком на двоих.

– В книге «Когелет» сказано: человек не знает своего будущего, – произнес Полонский, взглянув на Александра Юрьевича. – А я добавил бы: и не хочет знать, хотя его тыкают носом.

У супруги Тошика были припухшие, покрасневшие глаза, словно она совсем недавно долго плакала. Лицо невзрачное, осунувшееся, типичное для восточной женщины сорока лет. Готовой терпеть семейный деспотизм мужа до гробовой доски.

– Мне бы хотелось покопаться в монастырской библиотеке, – сказал Сивере. – Это не противоречит правилам?

– Пожалуйста, – равнодушно отозвался Полонский. И кивнул в сторону жены: – Ключи у Терезы. Матвей Матвеевич тоже любил просиживать там время. В этом вы схожи.

Последняя фраза прозвучала несколько зловеще. С намеком.

– А вас, вижу, древности не интересуют?

– Прошлое иногда бывает смертельно опасно. Я приобрел

монастырь и сделал из него гостиницу, а что тут было до меня – неважно. Я практик, а не историк.

– Уж это точно, – согласился Сивере, уловив настороженный взгляд супруги Полонского. Она будто опасливо ждала чего-то, каких-то еще произнесенных фраз. Или сама хотела что-то сообщить, но не могла.

Погрузка в фуникулер закончилась. Двое сыновей Тошика и Макс вошли внутрь, Куруладзе остался на площадке.

– Отправляйте! – махнул он рукой.

Тошик, передав зонт жене, забрался в крытую будку, включил пусковой механизм. Колесики закрутились, и кабина плавно поползла по стальному тросу.

– Мы едем-едем-едем в далекие края... – запел Полонский, высовываясь из будки. Судя по всему, он был чему-то чрезвычайно рад.

– Пойдемте, – сказала его супруга. – Я открою вам библиотеку.

Минут через десять Сивере уже стоял в хранилище книг, где минувшим днем проводил свои допросы комиссар Куруладзе. Стеллажи занимали все стены, от пола до потолка, а вытянутое в длину помещение делилось на несколько отсеков, полукомнат.

В первом же из них Александр Юрьевич застрял надолго. Вначале он лишь бегло пробежал глазами пыльные корешки древних фолиантов и более современных книг. Тут были собрания сочинений святых отцов Церкви, патерики, жизне-

описания подвижников и мучеников, истории развития христианства в различных странах. Книги по богословию, записи Вселенских и архиерейских соборов, толкование чудодейственных явлений и библейских текстов. Литература по вероотступническим сектам, ересям, лжеучениям. Научные труды и трактаты, охватывающие иные религии: буддизм, иудаизм, ислам, индуизм. Множество справочников, законников, вспомогательных пособий. Хроники и летописи, словари и библиографии. Целые ряды книг по медицине, истории, географии, естественным наукам. Примерно треть всего этого – на древних языках.

– Светская литература у нас в соседнем зале, – произнесла жена Полонского. Оказывается, пока Сивере, охваченный азартом, перебирался со стремянкой от одного стеллажа к другому, она все время находилась здесь.

– Экое богатство... – пробормотал он смущенно. Александр Юрьевич, когда он был чем-то очень увлечен, разговаривал сам с собой, и теперь подумал: не выглядел ли смешным со стороны? Чтобы скрыть неловкость, он спросил:

– А есть что-нибудь по истории этого монастыря?

– Не знаю, – просто ответила Тереза. – Может быть. Я книг не читаю, некогда.

– Ну да, хозяйство, – согласился Сивере. – Трудно приходится?

– По-разному, – уклончиво отозвалась женщина. Но ей явно не хотелось уходить. Александр Юрьевич пригляделся

к ней повнимательней. Очевидно, когда-то в юности она была очень привлекательной. Следы былой красоты еще и сейчас сохранились на ее лице.

В ней была какая-то загадочная невысказанность. А еще нечто неуловимо знакомое. Будто он уже встречал Терезу прежде. Но этого не могло быть, Сивере знал точно.

– Вы давно здесь живете? – спросил он.

– Как купили гостиницу. Семь лет.

– И... нравится?

– Выбора нет.

Ответ Терезы Сиверсу не понравился. Что значит «выбора нет»? Выбор есть всегда. Что она имеет в виду? За этой фразой стояла какая-то тоскливая обреченность.

– Климат не подходит?

– Напротив.

– Скучно? – попробовал угадать Александр Юрьевич.

– Ну что вы! Я, пожалуй, пойду. – Она двинулась к двери, но неожиданно задержалась. Затем, повернувшись к Сиверсу, произнесла: – По преданию, в одиннадцатом веке здесь произошло чудовищное убийство. С тех пор это место проклято.

Тереза шагнула за порог, а Сивере успел выкрикнуть:

– Погодите! Откуда вам это известно?

– Я ведь из местных, – ответила она, посветлев лицом. И дверь за ней закрылась.

Глава 5. Такая история

1

Листая страницы фолиантов, Александр Юрьевич не замечал, как бежит время. Прошел один час, другой, третий. Где-то далеко, за пределами сознания, прозвучал гонг к обеду. Но Сиверсу было не до подобной ерундистики: он весь находился в прошлом. На столе перед ним лежали книги, которые много проясняли в истории края и самого монастыря.

Особого внимания заслуживала одна из них – изданная в конце прошлого века русским путешественником и этнографом Семеном Горельским, прожившим среди монастырской братии полтора года. Довольно объемистый труд, вобравший в себя хронологическую летопись от создания храма, жизнеописания различных подвижников и настоятелей, царедворцев и простых мирян, окормлявшихся в этих стенах. А также множество легенд и преданий, которые сопутствуют любому прошедшему сквозь века памятнику.

Этот Семен Горельский был, несомненно, сам по себе очень любопытным экземпляром, дотошным и любознательным, хотя и совершенно неизвестным как профессиональный историк. По крайней мере, Сиверсу прежде никогда не встречалась его фамилия. Очевидно, дилетант. Но его скру-

пулезному, насыщенному подробностями и фактами труду надо было отдать должное.

Не исключено, что за спиной Горельского стоял какой-то ученый монах, которому его смирение не позволяло признать грех авторства. Ведь писательство – та же гордыня. А укрыться за псевдонимом или вообще не оставить подписи – обычное явление в среде священнослужителей. Так или иначе, но записки Семена Горельского поведали много нового московскому историку.

Александр Юрьевич, разумеется, хорошо знал, что Закавказская цивилизация – одна из древнейших в мире. Старее лишь египетские пирамиды, шумерская клинопись и другие очаги культур в Двуречье, на Крите, в Микенах, долинах Инда и на территориях китайского государства Инь. В девятом веке до нашей эры здесь находилось могущественное царство – Урарту, со столицей на Армянском нагорье возле озера Ван. Но к памятникам архитектуры этого времени – циклопическим крепостям – монастырь принадлежать не мог, хотя, как убедился Сивере еще по дороге сюда, в местности сохранились старинные цитадели, погребальные менгиры и дольмены. Как правило, они стояли на холмах или высоких утесах. Вообще, скальные сооружения Закавказья очень близки культуре соседних Ирана, Ассирии, Митании, Хеттского государства: все эти прорубленные в горах лестницы, террасы, площадки, культовые ниши, крепостные стены толщиной подчас в три, а то и в пять метров.

После падения Урарту, области Закавказья входили сначала в состав Индийского царства, затем державы Ахеменидов, а потом и эллинической державы Селевкидов. Отсюда во многом позаимствован античный стиль в храмах и дворцах Колхиды, Иберии, Армении, а позднее и в Албании – нынешнем Азербайджане. Это уже потом албанцы унесли название своей страны в глубь Европы. История – одна из самых сложных и увлекательных наук, гораздо мудренее высшей математики и ядерной физики; она подбрасывает терпеливому исследователю задачи со множеством неизвестных, а найденные ответы отвергаются новыми поколениями.

Александр Юрьевич, бормоча себе под нос обрывки фраз, теснившихся в голове, все больше погружаясь в море теней, высказал невидимому собеседнику, может быть, самому Семену Горельскому, устроившемуся напротив него, или тому таинственному монаху, – предположение, что монастырь, в котором они имеют честь пребывать, относится, скорее всего, к скальному зодчеству I–III веков нашей эры. И сродни некоторым композиционным сооружениям пещерного города Уплис-цихе, высеченному в горах левого берега Куры. Те же переработанные формы греко-римской архитектуры, восьмигранные и квадратные кессоны, украшающие цилиндрические своды, залы с пилястрами, фасад в виде фронтонов над аркой и многое другое.

А весь готический «макияж» появился гораздо позднее, десять веков спустя. «Если принять эту версию, – то ли

вслух, то ли про себя изрек Сивере, – то основателем монастыря был не кто иной, как армянский царь Тигран II, грозный покоритель городов Малой Азии, Сирии и Месопотамии, переселявший в свою страну и греков, и иудеев. Достаточно сравнить выстроенную им Гарнийскую крепость на скале над ущельем реки Азат с «Монастырским приютом».

– Тогда придется сместить временные рамки к первому веку до нашей эры, – ответил Сиверсу то ли Семен Горельский, то ли таинственный монах, маячивший за плечом путешественника.

– А?.. – произнес Александр Юрьевич. Кто-то тронул его за плечо, и он обернулся, с трудом возвращаясь в реальный мир.

2

– Я вас искала, – промолвила Анна Горенштейн и прошла к книжным полкам. – А вы здесь. И заняты мертвыми. Интересно?

– Очень, – признался Сивере. – Это моя работа. Хочу разобраться.

– В чем?

– Откуда что взялось и куда исчезло. И вы не правы: эти мертвые живее нас с вами, они уже вошли в историю, а мы – нет. К тому же с ними гораздо легче найти общий язык, чем с окружающими. Потому что им некуда спешить.

– Странно. Тут, должно быть, был не такой уж тихий омут, как кажется. И в монастыре бурлили страсти?

– А вы как думали? Местность, где мы с вами находимся, была населена многими цивилизациями. Тут были и киммерийцы, и скифы, и вавилоняне, и хазары... Каждая народность оставляла свой след. А хетты, сирийцы, воины Македонского? Да что говорить! Библейский Ноев ковчег, по преданиям, находится на вершине горы в этих краях! – Александра Юрьевича понесло, он оседлал своего любимого конька. – Между прочим, где-то здесь спрятаны несметные сокровища урартских царей, а поклонялись они божествам гор. Так что, вполне возможно, все это лежит где-то в подземельях «Монастырского приюта».

– Шутите? Сколько веков прошло!

– Пройдет и еще столько же, а горы сохраняют тайну. Есть версия о существовании золотой статуи армянской богини Анаит – не той, которую увез Антоний в Рим, а другой, гораздо большей, в полный человеческий рост, украшенной драгоценными камнями, изумрудами, ониксами и бериллами, с мечом из горного хрусталя. Упоминание о ней есть в каменной летописи Сардури II, в нише Ванской скалы. Сказано: кто коснется ее, голова того будет обречена на смерть.

– Такой недотрогой была эта Анаит? – насмешливо спросила Анна. Но Сивере будто не слышал ее слов. Он продолжил:

– Мидяне и персы также оставили тут немало древних ре-

ликвий. А что принес с собой Хайк, прародитель армян, вышедший со своим народом из страны Хайас, что лежала в долине Верхнего Евфрата? Бесценные знания, магические дары жизни и плодородия, которые стоят дороже золота и алмазов. И покоятся они в этих недрах. Я предполагаю, что прежде наш монастырь был одним из мегистанов, крепостей, возведенных в скалах, чтобы защищаться от римских войск. Возможно, он все же был разрушен, а потом отстроен заново при Аршакидах. Самая неприступная цитадель рано или поздно падет. Один мой сокурсник, Прозоров, любил в давние дни повторять: нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики, особенно за деньги. Большевиков в третьем веке в Сасанидском Иране еще не было, но, вероятно, и персы не раз захватывали и рушили этот монастырь. Уже во времена появления здесь христианства. Именно тогда, при Тиридате III, оно стало государственной религией. Древние святилища были конфискованы епископатом, а во главе церкви стал католикос из рода Григоридов. С тех пор, очевидно, в нашем храме и утвердились первые монахи. Об этом вы можете прочесть в трудах Фавстоса Бузанда, Лазаря Парпеци или Мовсеса Хоренаци, хотя историки эти дают весьма скудные и часто недостоверные сведения. В отличие от Агафангела.

– Боже мой! – воскликнула Анна. – И не подумаю забивать голову такой ерундой. – Вы-то сами еще не свихнулись от вашей истории?

– Я – нет, – ответил Сивере, понимая, что слишком увлекся, распыляя перед молодой женщиной свои мысли. Причем перед той, которая его обманула. Тут он вновь вспомнил события минувшей ночи и принял оскорбленный вид: – Кстати, я жду объяснений. Не худо бы, наконец, сказать правду.

– И вы ее услышите, – кивнула Анна. – Если наберетесь терпения и вновь придете сегодня ночью ко мне. А теперь – извините, меня ждут...

С этими словами она выскользнула за дверь, оставив Александра Юрьевича наедине с пыльными книгами.

3

В висках стало покалывать от переутомления. Захлопнув труд Семена Горельского, Сивере зевнул и потер глаза. «На сегодня хватит», – подумал он, начиная сожалеть о пропущенном обеде. Стрелки приближались к пяти часам вечера. Выходило, что он провел в библиотеке почти весь день. Но провел его далеко не напрасно. Кое-что в истории монастыря удалось выяснить, хотя по-прежнему в ней было много туманного, путаного. И книга Горельского, по сути, представляла собой не строго научное изыскание, а записки дилетанта с непроверенными фактами и преданиями. И самое главное: в ней отсутствовали некоторые страницы.

Они словно были намеренно вырваны, причем – очень грубо, самым варварским способом. Возможно, не так дав-

но. Человек, произведший эту экзекуцию над книгой, постарался что-то скрыть от будущих читателей. В основном это касалось одиннадцатого века и прошлого столетия. Зачем, с какой целью?

По крайней мере, Александр Юрьевич не узнал ничего о том преступлении, на которое намекала Тереза. Также ничего не было сказано в записках Горельского о княжеском роде Прошянов, а ведь их герб был изображен на постаменте хачкары в галерее, и они наверняка имели прямое отношение к монастырю. Все это выглядело весьма странно.

Но зато Сивере убедился в том, в чем был уверен как историк. Монахи появились в монастыре в III–IV веках нашей эры, когда местность оказалась разделенной между Ираном и Римом. Тогда это была одна из скальных крепостей, подчинявшихся какому-то наследственному князю – нахарару. Имя его не упоминалось ни в книге Горельского, ни в других библиотечных фолиантах. И хотя он наверняка исповедовал христианство, но большинство подданных его нахараратства, как и повсюду в Закавказье, все еще держались языческих культов или монофизитских сект беспочитания. Практика человеческих жертвоприношений здесь была еще очень сильна. Потому и монахам приходилось не столь сладко в этих каменных стенах, даже под защитой удельного князя.

В V веке персы стали усиленно вытеснять христианство, насаждая зороастризм, но соединенное армяно-грузино-ал-

банское ополчение оказало мощное сопротивление. Очаги восстания вспыхивали то тут, то там. Монастыри вновь стали неприступными крепостями. Так продолжалось долго, весь шестой век, пока Иран не заключил договор с Византией, уступив ей часть Закавказья. А в седьмом и восьмом веках местная знать попала под другую пята – подчинились хазарскому каганату. К этому времени относится возведение новых храмов и переустройство прежних.

Сиверсу не надо было копаться в памяти, чтобы представить в уме великолепный трехъярусный купольный храм Звартноц, или церковь базиличного типа в Еревуке, или четырехабсидный Атенский Сион в Грузии. Попал под реконструкцию и монастырь, в котором он сейчас имел честь находиться. Затем последовало завоевание Закавказья Халифатом. Арабы перерезали большинство нахараров, монахов и пожгли церкви. Но скальные крепости, естественно, устояли.

В короткий исторический срок из богатой местности было выкачено все золото и серебро, страна обнищала и опустела. Но так ли на самом деле? Наверняка князьям и монастырской братии удалось припрятать свои сокровища в тайных пещерах и подземельях. Не говоря уж о том, что было сокрыто там с древнейших времен, с Урартского царства.

Кстати, о том же упоминал в своей книге и Семен Горельский, намекая на золотую статую богини Анаит с хрустальным мечом. Эта страница в книге почему-то сохранилась, не

была вырвана. Оплошность неведомого экзекутора? В других же местах, где речь заходила о сокровищах монахов, тексты были уничтожены. Странная заботливость о сохранности вековых тайн.

В девятом веке владычество арабского Халифата окончилось. Побили их сасунские горцы, но еще прежде изрядно потрепали арабов «краснознаменные», – нет, не из ансамбля песни и пляски, а местные хуррамнты, жители Гургана. Эта секта одевалась во все красное, ибо сей цвет был принят восставшими в качестве символа борьбы. Руководил «красными» некий Бабек, простой пастух, признанный затем воплощением божества.

Известно о нем то, что он был необычайно храбр, умен, дальновиден, а впоследствии – сказочно богат, хотя и плохо кончил: на колу в резиденции халифа. Правда, Бабек успел спрятать сокровища и оставить потомство. И один из его сыновей стал основателем княжеского рода Прошянов.

Сивере глубоко вздохнул, соединяя некоторые разрозненные линии и пытаясь воссоздать мозаическую картину прошлого и связывая ее с днем нынешним.

4

Александр Юрьевич не зря считался одним из лучших знатоков в области геральдики. Разбуженный посреди ночи, он мог прочесть целую лекцию о родовых гербах француз-

ских рыцарей, русских князей или древнеиудейских царей. Особое хобби, связанное с основной работой. Вот почему давеча ему не составило труда определить многофигурный знак на постаменте стелы как символ династии Прошянов – весьма влиятельных в свое время князей в Закавказье.

Теперь же, покинув библиотеку и бродя по притворам, залам и галереям монастыря, он обнаружил еще несколько изображений мифической головы льва и орла с овечкой в когтях. Одно из них помещалось на базальтовом зале фасада здания в западной его части, другое – на купольной базилике, третье – в углу орнаментального узора в трапезной, представлявшего собой библейскую сцену жертвоприношения Авраама. Четвертое находилось над странной дверью в половину человеческого роста, рядом с жилыми кельями, в одной из которых обосновался и Прозоров.

Еще ранним утром, когда Александр Юрьевич спешил поведать своему давнему приятелю о трупe Матвея Матвеевича, эта неестественная дверца без всяких следов замочной скважины смутила его сознание. Сейчас он вновь внимательно осмотрел ее, обнаружил родовой герб Прошянов, но не увидел никаких признаков того, что ее когда-либо открывали. Да и возможно ли это вообще? Если только хитроумный запор не находится где-то рядом или внутри.

Однако теперь было ясно, что монастырь когда-то принадлежал именно Прошянам. То есть, углубляясь еще дальше, самому Бабеку. «Краснознаменному» истребителю арабов.

И наконец, пятый родовой знак Сивере изыскал в главном монастырском дворе, где лежало каменное изваяние огромной рыбыны с полуразрушенным хвостом. Это был так называемый вишап, олицетворявший плодородие и ставившийся в древние времена для хранения воды. Хорошо знакомый герб красовался на морде зубастого чудовища. И выгравирован он был значительно позже самого вишапа, иначе столь заметную деталь постигла бы участь хвоста.

– Прошяны ставили повсюду свои метки, – пробормотал Сивере. – Словно хотели обозначить себя хозяевами монастыря. Как коты на прогулке.

Александр Юрьевич отступил в сторону, едва не толкнув захихикавшего Багрянородского.

– Давите меня, давите! – зазубоскалил тот. – Целый час за вами хожу, наблюдаю и не могу понять: кто из нас частный детектив, вы или я? Чего-то вы все ищете, рассматриваете... Бормочете. Ладно, я на отдыхе. А вы? Неужто решили археологическими раскопками заняться? Бросьте, перенапряжетесь до смерти.

– Гм-м... – только и произнес Сивере.

– Вы, наверное, и не знаете, что у нас тут ночью один человек помер. Старичок очкастый. Наш сосед, кстати.

– Знаю, – кивнул Александр Юрьевич. – Все смертны.

– Странно это, – продолжил Багрянородский. – Я имею в виду то, что вы приходили ко мне в шестом часу утра. Очень странно.

– Я шел не к вам, а к Про... К Терракотову.

– Странно, – в третий раз повторил Багрянородский. – Ночью из его комнаты слышались какие-то крики. Может, он сам во сне кричит? Нервы? Плохой сон – признак больной совести.

– А сами-то вы ночью с кем развлекались? – напрямую спросил Сивере.

– Это, брат... история! – туманно ответил тот. – Поэма, слов нет. А пошли-ка, познакомлю с одной занятой парой.

В монастырский двор вышла на прогулку пожилая супружеская чета, и Багрянородский направился к ним. Сиверсу ничего не оставалось, как пойти следом. Мужчине и женщине было лет под семьдесят. Их сморщенные лица напоминали печеные яблоки или особый сорт груш.

– Комамберовы, – представил супругов Багрянородский. – А это – профессор Сивере, доктор исторических наук и членкор Академии естествознания.

Александр Юрьевич досадливо поморщился, Багрянородский с каким-то азартом потер руки, а женщина с ходу заявила:

– А вот мой муж – гений. Да-да, Валентин Данилович – выдающийся писатель современности.

– Полно, Машенька! – с видимым удовольствием обронил Комамберов, испытующе глянув на Сиверса.

– Не читал-с, – смущенно сказал тот, не понимая, зачем позволил себя втянуть в новое знакомство.

– Естественно, – благосклонно кивнул «гений». – Все мои произведения будут опубликованы только после моей смерти. Я так решил, и вы не сможете меня убедить в обратном.

– Дая, право, и не пытаюсь, – усмехнулся историк.

– Никто не сможет, – с нажимом договорил Комамберов. – Нет, никто. Выбросьте это из головы.

– Не буду настаивать, коли вы того хотите, – резюмировал Александр Юрьевич, считая, что разговор на этом и закончен.

Багрянородский за спиной Комамберовых беззвучно смеялся, широко раскрывая рот, в котором сверкало несколько золотых зубов. Разевала пасть и каменная рыба во дворе, будто вторила этому клоуну в облике частного детектива. Но Сивере жестоко ошибался. Мучения еще не окончились.

– Он пишет пророческие вещи, – сказала супруга. – Все сбывается. Это особый дар.

– Очень рад, – уныло отозвался Сивере. – Наверное, страшно любопытно. Придется подождать, когда все это можно будет прочесть. А пока я пойду, ладно?

– Нет. Можете и не дожидаться, – как-то нехорошо усмехнулся Валентин Данилович. – Поэтому иногда, в виде исключения, я читаю отрывки из своих рукописей знакомым. Для их же пользы.

– Да-да! – подтвердила супруга. – Очень разумно уже при жизни услышать слова гения. Познать будущее. Я думаю, Валентин Данилович прав: вы достойны его выбора. У вас ми-

лое, интеллигентное лицо.

– Еще какое! – радостно подтвердил Багрянородский.

«О, нет!» – хотел воскликнуть Александр Юрьевич, но... сдался, поскольку «гений» уже вытаскивал из кармана плаща ученическую тетрадь. Лишь вяло произнес:

– На какую тему?

– Россия в две тысячи семнадцатом году, – ответил Комамберов, взглянув на часы, словно они отсчитывали не минуты, а годы или даже века. – Видите ли, по моим прогнозам произойдет следующее. После исчезновения с карты мира Украины, которая уничтожит сама себя, начнется затяжная война с Европой. Штаты увязнут на Ближнем Востоке и не смогут вмешаться в полную силу. К тому же у них самих вспыхнут такие волнения, что мало не покажется. Негры, как обезумевшие бизоны, начнут топтать всех подряд. Вдобавок – серия природных катастроф. А самая страшная из них – это извержение вулкана в Йеллоустонском заповеднике. Но «проснется» он в две тысячи двадцать седьмом году. Более половины Америки погибнет. Что же мы увидим? США, как глобальная империя, прекращает свое существование, превращается в некое подобие Гондураса. Франция, Англия, Германия униженно на коленях просятся под наше крыло. В Ростове проходит открытый судебный процесс над президентом Америки и более мелкой шпаной – недобитыми порошенками и Турчиновыми. Гуманизм нашего президента беспределен – их всех приговаривают всего лишь к

ссылке на дно Байкала, дают водолазные костюмы с запасом кислорода на четыре часа...

– Позвольте! – остановил Комамберова Сивере. – Это ведь памфлет какой-то. Сатира?

А сам подумал: «Душевнобольной, с ним надо помягче».

– Нет, озарение! – пылко возразил Валентин Данилович.

А его супруга добавила:

– В одна тысяча девятьсот восемьдесят пятом году мой муж предсказал распад Советского Союза с точностью до мельчайших деталей, даже назвал имя будущего президента России, ошибся лишь на одну букву: Яльцин. Что вы на это скажете?

– Ничего, – грустно отозвался Сивере.

– А полгода назад он написал трактат о том, что произойдет в небольшом горном монастыре, где соберутся весьма необычные люди, – продолжила Комамберова. – Хотя тогда мы еще даже представления не имели, что приедем именно сюда. А это как вам понравится?

– Никак, – сказал Александр Юрьевич, которого вдруг что-то кольнуло в сердце. Но на сей раз услышанное заинтересовало его. А если этот «гений» в чем-то прав? Одержимые порой близки к истине. Сам Комамберов глубокомысленно молчал. Что касается Багрянородского, то он вообще куда-то исчез.

– А нельзя ли ознакомиться с этим трактатом? Для начала, – произнес Сивере.

– Можно! – кивнул Валентин Данилович, убирая тетрадь в карман. – Приходите к нам вечером. Комната номер восемь.

– Там и насладитесь истиной, – многозначительно добавила супруга. Очевидно, она буквально поклонялась своему мужу как божеству.

5

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!..» Эту фразу шекспировского Гамлета Сивере твердил про себя неоднократно, пока шел к сокурснику. Ему было необходимо с кем-то посоветоваться, опереться на трезвый холодный ум. Прозоров, как практичный, волевой, целеустремленный человек, не подверженный интеллигентской рефлексии, мог бы помочь разрешить некоторые вопросы. Но Александр Юрьевич упустил из вида то обстоятельство, что его старый приятель и сам ныне скрывает какую-то тайну. Если только не изображает по университетской привычке Воланда.

– Ты понимаешь, что здесь происходит? – с порога поинтересовался Сивере, протискиваясь в узкую, прокуренную келью. И тотчас же перекинулся на другое: – Не мог выбрать себе апартаменты получше? Это же какая-то собачья конура.

– Не следует тебе сюда так часто приходить, – спокойно ответил Прозоров, передвинув сигару из одного уголка рта в другой. – Мы ведь не знакомы.

– К черту твою дурацкую конспирацию. К черту весь этот «Монастырский приют». Один пишет idiotские пророческие трактаты. Другой умирает в моем номере на моей же койке. А потом переползает в соседнюю келью и напяливает на нос пропавшие очки, чтобы лучше видеть загробный мир. Еще раньше кого-то выталкивают из фуникулера, но нет ни убийцы, ни трупа. Четвертую ночью посещает странный пришелец и теряет свой медальон, а сама она в темноте испаряется. Две старухи явно замышляют какую-то пакость. И этот подозрительный хозяин гостиницы со своей семейкой. Старики-грифы, пергаментный князь, скверный Багрянородский. Кто написал в нише эту глупую фразу: «Здесь будет убит Сивере»? Куда мы попали, Герман?

– Эдвард, – поправил его Прозоров. – Всех перечислил? Забыл Дембовичей. Тоже очень подозрительные молодые. Ты знаешь, мне кажется, никакой он не морпех и не лейтенант. Я видел его вчера в сауне. Весь в наколках, от пяток до шеи.

– А здесь есть сауна?

– Есть. На заднем дворе. Так вот, ведет себя этот Дембович как настоящий уголовник. А о каком медальоне ты тут болтал?

Сивере прикусил язык. Махнул рукой, отгоняя клубы дыма.

– А ты почему ночью кричишь? Мне соседи жаловались.

– Чушь! Я всегда сплю как убитый. И просыпаюсь, словно

мертвец. Не сразу соображу – где я и на каком свете? Это у меня последствия черепно-мозговой травмы. Я ведь в нейрохирургии лежал.

Александр Юрьевич не понял: шутит он или говорит серьезно?

– Когда же это было? – спросил на всякий случай.

– Было, – просто ответил Герман-Эдвард Прозоров-Терракетов. И хитро подмигнул Сиверсу.

– А ты в самом деле играл с Тошиком Полонским до четырех часов утра в нарды? Или вы сообща напаяли Куруладзе?

– Это, братец масон, оставим за скобками. И вообще, будь проще. Расслабься и отдыхай. Я скажу, когда тебе будет надо выйти на сцену. Все развивается по моему сценарию.

После этих слов историк глубоко вздохнул, тотчас же закашлявшись от едкого табачного дыма. Дальнейший разговор с приятелем представлялся бессмысленным. Тот и в прежние годы любил напускать вокруг себя туману, а теперь, видно, и вовсе крыша съехала. Может, и вправду чем-то по башке треснули. Глаза у Прозорова блестели, как две маслины в яичном белке. AV-образный шрам на левой щеке кривился вместе с усмехающимися губами.

– Пойду я! – неуверенно произнес Сивере. – Как говорится, морг закрыт, расходитесь. Надеюсь, хоть сегодня ночью ничего не произойдет. Дадут выспаться.

И в это время за стенкой раздался пронзительный женский крик. Приятели переглянулись. В последовавшей вслед

за тем тишине Прозоров проворчал:

– Не похоже, чтобы это означало сигнал к ужину. Там Дембовичи живут. Но во время секса орут иначе. Пошли, поглядим.

Глава 6. Горбун и другие

1

В коридор выглянули все, кто жил в этом монастырско-гостиничном приделе: Багрянородский, пергаментный князь Романов, один из надменнозасушливых стариков и, разумеется, друзья-сокурсники.

– Ничего страшного! – объяснил татуированный лейтенант, запахивая полы шелкового халата с изображением китайских драконов. – Настенька благополучно скончалась.

На его лице, словно высеченном из гранита, проступила довольная улыбка. Конечно, чего делать трагедию из-за таких пустяков! Установилась совсем уж нехорошая тишина.

– Как?! – вскричал импульсивный Багрянородский.

– Наверное, на нее случайно наступили ногой, – вновь пояснил Дембович. – Или от старости.

– Что за чушь вы несете? – возмутился Сивере. – Ей от силы было лет двадцать.

– Ошибаетесь, далеко за сорок. Если не все шестьдесят, – возразил морпех. – Впрочем, точного возраста я не знаю. Да и какая разница?

– И вы говорите об этом столь спокойно? – изумился Прозоров. – Уважаю. Сам такой.

– Нонсенс, – резюмировал князь Романов. – Двадцать первый век.

– Век конца веков, – добавил старик-гриф.

– Кто же мог ее раздавить и какая, в таком случае, должна быть величина ноги? – пробормотал Сивере, замечая, что удивление постояльцев идет почему-то на спад.

– Да кто угодно мог! – почти радостно прокричал Дембович. – Она тут везде ползала. А уж как мне надоела, – выразить не могу.

Сивере посмотрел на Прозорова, а тот только покрутил пальцами у виска.

– И зачем только мы ее взяли с собой? – продолжил Дембович. – Надо было оставить соседке. Но, видите ли, для Оленьки она была вроде талисмана. С детства не расставалась с ней.

– Вы о ком? – чувствуя себя полным идиотом, спросил историк.

– О черепашке, конечно. О Настеньке.

Дверь в его номер открылась, на пороге появилась заплаканная супруга. На ладони держала черепашку с мертвой уродливой головкой. Все расступились.

– Стас, похорони ее где-нибудь, – горько произнесла Ольга. – Извините, что я вас всех потревожила. Вы не представляете, что значит потерять любимое существо.

– Где уж нам! – буркнул князь. – У меня Сталин собственноручно отца в тридцать седьмом году расстрелял. А

было мне тогда всего два годика. А папа мой, между прочим, последний тайный император всея Руси, не черепашка какая-нибудь.

– Нет, правда? – переспросил Багрянородский. – То-то смотрю, вы мне кого-то напоминаете. Я без политесов: какая из царских княжон ваша бабушка?

– Пятая, незаконнорожденная, звали ее Василиса, – горделиво ответил наследный принц. Багрянородский всплеснул руками и подмигнул Сиверсу. Останки черепашки перекочевали в карман халата Дембовича. Оленька вытерла слезы. Прозоров выпустил кольцо дыма в сторону наследника престола. Прозвучал гонг к ужину. И через некоторое время коридор опустел.

2

В трапезной вернувшиеся к этому времени из города сыновья Полонского разносили по столикам янтарную осетровую уху, гречневую кашу с говяжьей вырезкой и сладкие варенцы с морошкой, приготовленные по пушкинскому рецепту: на серебряной закваске из сливок с ржаными сухарями. Об этом не без гордости объявил сам хозяин, подробно рассказав о каждом из блюд. Кулинарами, судя по всему, он и его жена были отменными.

Порадовал Тошик своих постояльцев и старинным гусарским напитком – жженкой, которая дымилась в серебря-

ной же конусообразной чаше, литров на десять, и куда были предварительно влиты четыре бутылки шампанского, штоф рома и фляга местного терпкого вина, смешанные с раставшей сахарной головой, дольками ананаса и лимона. Чаша стояла на раскаленной жаровне, и крутобедрая дочка разливала ковшиком жженку в глиняные кружки. По какому случаю столь царское угощение, Тошик не объяснил, но как-то весь светился восторгом.

Комиссар Куруладзе и его помощник Макс сидели за отдельным столиком и о чем-то тихо совещались. В трапезной присутствовали все постояльцы и все члены семейства Полонского, даже придурковатый племянник стоял возле дверей, подпирая плечом косяк. «Ужин по-русски» явно удался.

– Друзья мои, прекрасен наш союз! – поднял чашу прихмелевший Багрянородский. – Хочу выпить за безумие поэтов и пир во время чумы! Пусть гибнут и погружаются в морскую пучину целые цивилизации, горят горы и небеса, наступает последний день мира, исчезает под нашими ногами земная твердь, но любовь... любовь – родная сестра смерти... пусть... пусть... – он запнулся, пытаясь окончить замысловатый тост.

– Ну-с, так! – оборвал его тираду Куруладзе. – Теперь я скажу. Касается это не только умершего вчера ночью Матвея Матвеевича, но и всех вас. Мною получены данные медицинской экспертизы. Весьма интересные.

Комиссар замолчал, оглядывая притихших постояльцев.

Затем продолжил:

– Смерть наступила в результате остановки сердца. Инфаркт. Но дело в том, что в организме покойника был обнаружен буфотоксин. Это необычный яд, добываемый из земляной жабы. Хранить его можно только в специальных ампулах с пониженной влажностью. И если буфотоксин попадает на кожу человека, то через некоторое время приводит к нарушению сердечно-сосудистой деятельности. Чуете, друзья прекрасного вашего союза, к чему я клоню?

– Чует, – уныло ответил Багрянородский.

– Я не исключаю версии, что Матвей Матвеевич мог покончить жизнь самоубийством, – продолжил кавказский Мегрэ. – Но вероятно также и то, что его кто-то мог «угостить» этим буфотоксином. Следствие покажет. Уж слишком странным выглядит эта внезапная смерть. Далее. С этого часа никто ни при каких обстоятельствах, тем более без моего разрешения, не должен покидать гостиницу.

«Достал он уже всех», – подумал Сивере.

– Вы приехали в «Монастырский приют» отдыхать, вот и отдыхайте! А мы разберемся, – заключил Куруладзе. И с этими словами вышел из-за стола, кивнув Максусу. Оба они направились к выходу. Напряженное молчание в трапезной царило не долго. Нарушил его первым Багрянородский.

– Итак, поздравляю! – сказал он. – Мы с вами очутились как бы в Ноевом ковчеге. За это, собственно, я и хотел выпить. За последних на земле людей, которых соединяет лю-

бовь и смерть!

И кружка с жженкой взметнулась вверх.

3

Александр Юрьевич прилег на свою узкую койку с томиком стихов Тер-Маркарьяна, но читать не смог: в голове вертелось противное слово «буфотоксин», а перед глазами прыгала земляная жаба, из желез которой капало это ядовитое вещество. Сивере пытался вспомнить: откуда он уже слышал об этой отраве? А ведь у него была отличная память. Может, кто-то из его знакомых медиков? «Жаба... буфотоксин... буффонада... буф!., пиф-паф!.. жаба...» – повторял он про себя. И, наконец, вспомнил.

Еще давным-давно один приятель, увлекавшийся медициной, но более всего интересующийся различными ядами, от исторических мышьяка и стрихнина до современного тетродотоксина, добываемого из рыбы фугу, рассказывал ему об этой элегантной отраве. Почему запомнилось? Потому, что тот приятель очень красочно описывал самую жирную земляную жабу и даже изображал ее мимику во время брачного гона. И этим приятелем был Герман Прозоров.

«Вот ведь как любопытно получается!» – подумал, испытывая неприятное жжение в груди, Сивере. Просто совсем заковыристо и престранно выходит. Наводит на некоторые размышления. С одной стороны, патологическая лю-

бовь Прозорова к ядам. С другой – смерть Матвея Матвеевича от этого буфотоксина. Редчайшего яда, о котором тут, в богом забытом монастыре, вряд ли кто мог слышать. А с третьей – сомнительное алиби сокурсника, эта его якобы игра в нарды с Тошиком Полонским. А ведь Матвей Матвеевич перед самой кончиной намекал ему, что выяснил нечто постыдное про хозяина гостиницы. Какую-то тайну, которую тот хотел скрыть. Как говорят англичане, у каждого спрятан скелет в шкафу. Так не помог ли Прозоров Полонскому отправить старика на тот свет?

Поежившись от еще более неприятных ощущений, Александр Юрьевич встал с койки. Хранение буфотоксина возможно только в специальных ампулах при повышенной влажности, вспомнил он слова Куруладзе. В монастыре наверняка есть помещения, идеально соответствующие подобным условиям. А вот водятся ли в этих краях, где-нибудь в низине земляные жабы? Надо выяснить. Может быть, ампулы были завезены заранее? Или производство яда осуществляется тут?

Почему эта мысль вдруг мелькнула в его голове – Сивере не знал, но от неожиданной догадки у него заломило виски. Ему показалось, что дело даже не в смерти несчастного старика, а в чем-то другом. А что, если на нем просто испытывали действие буфотоксина? А главные цели заключаются в ином?

Однако время приближалось к половине двенадцатого. И

надо было решать: идти ли сегодня на очередное рандеву с Анной Горенштейн? И не обернется ли все как в прошлый раз. Оказаться двойным дураком или дураком в квадрате не слишком хотелось. Немного поразмыслив, Александр Юрьевич все же стал собираться, не забыв положить в карман загадочный медальон с родовым гербом Прошянов.

Кроме того, ему подумалось не лишним заглянуть и к соседям Анны – супругам Комамберовым, у которых он надеялся хотя бы вкратце ознакомиться с пророческим трактатом «гения». Ежели тот действительно написал нечто провидческое о своем будущем пребывании в «Монастырском приюте» и о дальнейшей судьбе всех его постояльцев, то это любопытно.

Как историк, Сивере относился к подобным произведениям не только скептически, а попросту презрительно. И все же он вынужден был признать: ничего так не жаждет человеческий ум, как возможности заглянуть в будущее. Нам мало книги Откровений Иоанна Богослова, хочется лицезреть именно все подробности.

И Александр Юрьевич отправился на ночной променад. Он вышел в пустой коридор, оглянулся, тщательно запер дверь и даже положил у порога хлебные крошки, предусмотрительно захваченные во время ужина. Теперь, если кто надумает проникнуть в его келью, непременно размажет их по полу. Впрочем, Сивере сомневался, что по возвращении назад он вновь обнаружит в своей постели чей-то труп.

Затем у него мелькнула мысль о странной закономерности: именно из этого монастырского отсека исчезали (или умирали) люди. Сначала – братья Афонины, затем – Матвей Матвеевич. Их номера находились рядом с его номером. Ближе к лестнице проживали тетушки Алиса и Лариса, а также один из компании стариков с похожими лицами. Кто следующий, чья очередь? Отогнав эту навязчивую мысль, Александр Юрьевич двинулся дальше. И тут случилось нечто неожиданное.

В полутемном коридоре, шагах в десяти от Сиверса, прямо от стены отделилась сливавшаяся с нею тень и торопливо пошла вперед. Кто-то, наверное, уже давно торчал тут и прятался за выпуклым бордюром. Причем это существо было небольшого роста, похожее на обезьяну в балахоне. Александр Юрьевич мог видеть его только со спины, да и то мельком. Но то, что он успел разглядеть, – поразило. Длинные конечности, почти касающиеся пола, мощный, уходящий в плечи затылок, покрытый черным волосом, и – горб. Несомненно, это был горб, так сутулиться человек не мог. Существо побежало вверх по лестнице, а Сивере – за ним.

– Эй, стойте! – крикнул Александр Юрьевич.

Но человекообразная фигура уже достигла лестничного проема и юркнула в коридор третьего яруса. Туда же лежал и путь историка. «Проворный, черт!» – поспешая, подумал Сивере. Существо еле слышно стучало каблуками, но, очутившись в длинной каменной кишке с рядом дверей, Алек-

сандр Юрьевич с недоумением и тревогой огляделся. Коридор был пуст.

Куда же мог подеваться этот горбун? Откуда он вообще взялся в «Монастырском приюте»? Чем дольше тут живешь, тем больше загадок. Пожав плечами, Сивере остановился перед дверью комнаты, где проживала Анна Горенштейн. Соседние номера занимали супружеские пары. В которой из них Комамберовы? В волнении Александр Юрьевич не мог вспомнить: в шестой или восьмой? Постояв в нерешительности, он тихо постучал в левую келью. Дверь сама собой подалась, и Сивере заглянул внутрь.

– Ты явился к нам, Кроули! – торжественным голосом провозгласил кто-то.

– Да-да! Да-да! Да-да! – трижды повторил другой, более писклявый. Очевидно, это была женщина.

Довольно просторная келья была еле освещена единственной горевшей свечой у зарешеченного окна. Сивере сразу сообразил, что он попал не к Комамберовым. За столом сидели три или четыре человека, головы их были покрыты капюшонами. Перед ними стояли слабо мерцающие восковые фигурки, не более двадцати сантиметров, а в самом центре – голый череп с пустыми глазницами. По лицам этих людей блуждала тени, искажая черты.

– Не тот, не тот! – заверещал кто-то из них. Кажется, из второй супружеской пары.

– Пардониссимум... – пробормотал сконфуженный Алек-

сандр Юрьевич. – Я только хотел спросить...

– Вон! – рявкнул еще кто-то громовым басом.

Сивере торопливо прикрыл за собой дверь. «Черт-те что творится!» – с раздражением подумал он. Затем, набравшись смелости, подошел к келье номер восемь и пару раз стукнул. Пришлось немного подождать, прежде чем из-за двери донесся глухой голос литературного «гения»:

– Кто?

– Я! – отозвался Сивере. – Валентин Данилович, вы обещали дать мне почитать ваш трактат. Я верну утром.

– Потом. Не теперь, – ответил с той стороны Комамбе-ров. – Мы творим. Мы думаем. Уходите.

Александр Юрьевич почесал затылок, в сердцах плюнул на дверь и направился к номеру Анны Горенштейн. Самое удивительное, что ему уже вторую ночь совершенно не хотелось спать.

4

Волнующе-мраморная вдова в этот полночный час была особенно привлекательна: за блеском темных глаз, тонкой полуулыбкой, внешней строгостью лица угадывались тайные страсти, а легкое открытое платье лишь подчеркивало изящество фигуры. Горело несколько свечей, из магнитофона лилась приятная музыка. На столике в вазочке лежали фрукты, стояла бутылка сладкого вишневого ликера. И умо-

помрачительный запах вокруг – аромат дорогих духов, каких-то цветов, осенних листьев.

– Вы пришли! – констатировала Анна. – Садитесь же в кресло. Вам не мешает музыка? Хотите немного вина? Можете курить.

Александр Юрьевич, желавший с ходу выяснить, что же произошло прошлой ночью, несколько расслабился, сменив гнев на милость. Вся атмосфера в номере Горенштейн предполагала к задушевной беседе.

– Есть в вас что-то от византийской принцессы Анны Комнин, – издалека начал он, пригубив ликер. – Она жила в начале двенадцатого века, была чрезвычайно красива, умна, начитанна, писала стихи и рисовала картины. Сменила несколько мужей, испытал страстную любовь в объятиях великого магистра ордена тамплиеров. И даже грубые и невежественные крестоносцы почти боготворили ее. Именно такой я ее себе и представлял. Вы – это она наяву.

– Охотно верю, – вновь улыбнулась Анна. – А насчет супругов вы угадали: их было у меня четверо. Но браки оказались недолгими. Все мужья, к сожалению, умерли.

– Вот как? – подивился Александр Юрьевич. – Вы ведь еще так молоды. Расскажите.

– Что ж, пожалуй... – подумав, согласилась она. – Если вам интересно. Первый раз я вышла замуж еще девчонкой, на первом курсе МГИМО. Таким же был и мой муж – юный великосветский шалопай с ветром в голове. Но очень сме-

лый и добрый. В летние месяцы мы занимались альпинизмом, он сорвался со скалы и разбился насмерть. Это произошло здесь, на Кавказе. Потом, так уж получилось, я оказалась женой его друга. Красивый талантливый парень, но, к несчастью – это выяснилось потом, – подвержен пагубной страсти. Вы понимаете, о чем я? Наркотики.

– Богема? – подсказал Сивере.

– Именно так. Остановить его было уже нельзя. Он сгорел очень быстро, на моих глазах. И я решила: нет, мои сверстники слишком легко и весело прощаются с жизнью. Словно у них есть дюжина запасных. И когда за мной стал старомодно ухаживать профессор нашего института, я, в конце концов, согласилась сочетаться с ним браком. Не скрою, здесь не было любви, лишь меркантильные интересы. Аспирантура, диссертация, хорошая дипломатическая работа. Однако возраст... Он умер прямо у меня в постели, от сердечного приступа. Не скрою, во время ночи любви...

– Не повезло вам, – сочувственно вставил Сивере.

– Кто знает! Та ночь была волшебной, больше не повторится, – с грустью ответила она. – Затем появился американец. Я уже вращалась в высоких дипломатических кругах, там, на одном из приемов мы и познакомились. Я прожила с ним во Флориде три года, чудесное время! Он утонул, захлебнулся, занимаясь подводным плаванием. Жить в одиночестве в огромном доме мне показалось скучным. Чужая страна, чужие люди, и я вернулась назад. Вскоре у меня

в Москве появился свой бизнес, мне встретился успешный банкир по фамилии Горенштейн. Друг Ходорковского. Но жизнь подобных людей, как вы знаете, коротка. И печальна. А он еще стал вмешиваться в политику, пытался влиять на премьер-министра, да и на президента тоже. И вот однажды, совершенно неожиданно, «Лексус» мужа взлетел на воздух. Тело еле удалось опознать. Теперь я снова вдова.

Закончив свою сагу, она подлила ликер в рюмки, мило и чуть кокетливо улыбнулась Сиверсу.

– Позвольте! – сказал тот, подсчитывая в уме мужей Анны. – Но ведь получается, что их у вас было не четыре, а пять?

– Разве? – произнесла она, наморщив прекрасный лоб. – Действительно. Видно, я подзабыла. Одного, кого-то из них, все время упускаю из памяти. Кого только? Даже самой интересно. Но так трудно удержать в голове свое прошлое в целостности и сохранности. А вообще-то моя девичья фамилия – Войтенко. Я из древнего рода польских королей Войтыл.

– А я-то подумал, что вы – потомок французского маршала де Рэ, более известного под прозвищем Синяя Борода. Только у того умирали жены, а у вас – мужья.

Анна рассмеялась.

– Расскажите же и вы немного о себе, – попросила она.

– У меня нет биографии, – ответил Сивере. – Не был, не состоял, не участвовал, не имею. Обыкновенный человек, каких много.

– Неправда, – мягко возразила Анна. – У вас на лице особая печать. Я вижу. Мне кажется, вы – человек совершенно необычной судьбы, но она лишь начинает проявляться. Вас ожидают невероятные перемены. И именно здесь, в «Монастырском приюте». Будущее уже стучится к вам в дверь.

Вдова приложила палец к губам и замолчала, словно сейчас действительно должен был раздаться неизбежный стук Провидения.

– Гм-м... – произнес Александр Юрьевич, невольно прислушиваясь к шорохам за дверью. – Однако вернемся в настоящее. Что же произошло? Вот, кстати, ваш медальон, – он вытащил его из кармана и подкинул на ладони.

– Оставьте его пока у себя, – уже совсем иным, серьезным тоном сказал Анна. – Я прошу. Мне боязно к нему прикасаться.

– Хорошо, – согласился Сивере. – Но все же объяснитесь. Куда вы исчезли вчера ночью?

Ей было нелегко начать, но она преодолела смущение. Вытащила из пачки на столе длинную тонкую сигарету, закурила.

– Когда я вчера вынуждена была вас покинуть... Произошло это не по злomu умыслу. Мне надо было отлучиться на несколько минут. Я вспомнила об одном неотложном деле. Тот человек, с которым вы меня видели сегодня утром...

– Князь Романов? – с иронией перебил Александр Юрьевич.

– Да-да. Он знал моего последнего мужа, Горенштейна. Тот немного финансировал его проекты, касающиеся российского престола, восстановления монархии и возврата долгов царской династии.

– А вы сами-то верите в его наследственные притязания?

– Разумеется, нет. Но в наше время возможно все. Впрочем, я как-то не задумывалась об этом. К тому же здесь в большей степени были замешаны политика и бизнес, чем реальные человеческие отношения. Так мне всегда казалось, хотя с самим князем я была едва знакома. Виделись мельком пару раз на светских раутах. Здесь, в «Монастырском приюте», он меня узнал, мы разговорились. Он обещал мне рассказать нечто интересное, касающееся последних дней моего супруга, Горенштейна. Собственно, особого любопытства я не проявила, поскольку к тому времени уже не жила с Владиком, мы собирались разводиться. Но согласилась прийти на встречу. Она должна была состояться у Комамберовых.

– Почему именно у них?

– Не знаю, так предложил князь. Они давние приятели. К тому же удобно – рядом с моим номером. А может быть, Комамберовы тоже что-то знали о моем муже. Владели каким-то секретом, информацией о его гибели.

– Занятно. А другие ваши соседи кто?

– О них мне ничего не известно, – ответила Анна.

– Ну-с, продолжайте, – тоном судейского чиновника произнес Сивере. – Чем дальше, тем забавнее.

– Не иронизируйте. Я всегда попадаю в какие-то нелепые истории. Вчера, перед вашим приходом, ко мне постучала жена Комамберова, напомнила, что меня ждут. Потом пришли вы. Мы настроились на совсем другое ожидание. Потушили свет. И тут вдруг я вспомнила о князе. Я не стала вам ничего объяснять, рассчитывая пробыть там от силы минут пять, не больше. А затем сослаться на головную боль и вернуться. Но все вышло иначе... – она замолчала, надкусывая дольку яблока.

– Как же? Вас опоили настоем из мухоморов?

– Вновь вы шутите! Нет, конечно же, нет. Все они – вполне достойные люди. Но вы не знаете Комамберова.

– Имел честь познакомиться. Литературный гений, пророк, – насмешливо возразил Сивере.

– Не то слово. Это – фанатик, виртуоз жанра. Он ведь помешан на своих произведениях. Как и его супруга, я в этом убедилась. Едва он начал говорить, никто из нас фразы не мог вставить. Даже князь, ради встречи с которым я и пришла. Мы сидели и слушали Валентина Даниловича. Потом он стал зачитывать страницы из своих тетрадей, трактатов.

– Лечить только хирургически, – предложил Александр Юрьевич. – Вырезанием лобно-теменных частей мозга.

– Зря вы так. Мне кажется, ему просто необходимы слушатели, почитатели. Вот под это комамберовское чтение я и уснула. Прямо в кресле. Я уже говорила вам, что в нервных состояниях быстро засыпаю?

– Говорили. Вам везет в подобных случаях. А дальше что было?

– Проснулась я на рассвете, заботливо укрытая пледом. Князя в номере не было, самих хозяев – тоже. Возможно, они ушли на прогулку. Так или иначе, но мне было очень неловко. И перед ними, и перед вами. Я вернулась к себе. Вас, разумеется, в моей комнате уже не оказалось.

– Между прочим, я проторчал у вас как дурак до самого рассвета. Сторожил напрасно: никто за медальоном не явился.

– Еще раз простите, – сказала Анна. – Но вот что случилось потом. Спать мне уже совершенно не хотелось.

– Еще бы! – улыбнулся Сивере. – Похоже, в ту ночь вы были одной из немногих, кто выспался от души.

Вдова пропустила его шпильку мимо ушей.

– Я решила спуститься в холл, чтобы посмотреть в регистрационной книге, в каком номере остановились вы. Мне хотелось найти вас и тотчас же объясниться. Но мне вновь помешали.

Во время молчаливой паузы Сивере представил, а что было бы, если бы она увидела, как он таскает труп Матвея Матвеевича туда-сюда? Надо поблагодарить того, кто ей помешал. Но то, что он услышал дальше, превзошло все его ожидания.

– Запутавшись в этих многочисленных темных коридорах, – продолжала Анна, – я чуть не столкнулась за одним из

поворотов с человеком, который торопливо побежал прочь. И быстро исчез. Мне не удалось толком разглядеть его лица, поскольку он был весь закутан в какой-то балахон.

Александр Юрьевич насторожился, видя, как побледнела его и без того «мраморная» собеседница. Уж не то ли странное существо, которое он сам видел час назад, попало на глаза и ей?

– В испуге я вернулась в свой номер, заперлась и провела оставшееся до завтрака время в ознобе. Пока за мной не пришел князь и не позвал в трапезную.

– Но почему вы так напугались? – спросил Сивере.

– Почему? – переспросила она. – Да ведь этот человек показался мне моим покойным мужем. Влад Горенштейн тоже был низкого роста, с длинными руками и к тому же – горбун!

– Вон оно что... – нараспев протянул историк.

– Да, – подтвердила Анна. – Именно так. И если он жив, а этот хромой черт может выбраться из самого пекла, то и мне, и всем, кто меня окружает, грозит смертельная опасность. Вот почему я написала вам ту записку.

Александр Юрьевич внимательно посмотрел ей в глаза, поверив и убедив себя, что они не лгут. До того они были восхитительны.

5

Едва ли сейчас оба полуночника ожидали услышать лег-

кое постукивание-царапанье в дверь. Но кто-то, несомненно, пытался к ним войти. Словно с той стороны находилась кошка или другое бессловесное существо, мечтающее поскорее попасть домой. Анна Горенштейн и Сивере обменялись настороженными взглядами. Огоньки пламени на догорающих свечах колыхнулись.

– Вы кого-то ждете? – прошептал Александр Юрьевич.

– Это он! – почти беззвучно отозвалась она. Ее глаза выражали теперь настоящий, неподдельный ужас. Но все равно оставались прекрасны.

– Спокойно, – произнес Сивере, беря себя в руки. – Без паники. Есть у вас что-нибудь тяжелое? Кто бы там ни был, я вас защищу.

– Спасибо, – благодарно кивнула Анна, протягивая ему бутылку из-под вина.

Историк, никогда не участвовавший в реальных сражениях, но досконально знавший тактику боя Ганнибала, Карла Великого и Наполеона, взмахнул своим оружием, облив вдову и себя остатками ликера.

– Сейчас-сейчас... – пообещал он, но первые шаги к двери дались ему с некоторым трудом. Кто его знает, кого там принесло? Может, и не человека вовсе... – Сейчас-сейчас! – грозно повторил Александр Юрьевич, ухватив бутылку покрепче. – Главное – нанести удар первым, ошеломить противника.

– Вы дверь-то сначала отворите, – трезво посоветовала

Анна, едва сдерживая улыбку.

Раздалось новое слабое постукивание. Выглядело все это, как полтергейст: стук с определенными интервалами, будто потусторонние силы вступали с ними в свою игру. Александр Юрьевич, набравшись духа, одновременно рванул на себя дверь и ткнул в открывшееся пространство бутылкой.

Их глазам предстал старый князь Романов, едва успевший отшатнуться в сторону.

– Ф-фу ты! – выдохнула Анна Горенштейн. – Здравствуй-те, ваше сиятельство.

Неловкая сцена длилась несколько секунд. Потом князь прошел в келью, опасливо покосившись на Сиверса. Тот вынул платок, вытирая с рубашки следы ликера.

– Я, кажется, напрасно вас потревожил? – спросил наследник престола.

– Ну что вы, Алексей Николаевич! – радушно ответила Анна. – Не хотите ли рюмку ликера?

– Ликер кончился, – напомнил Сивере. – Не найдется ли у вас чего-то другого?

– Только текила.

– Не откажусь, – сказал князь. И добавил: – У меня бессонница. Н-да-с. Ну-с, тэк. Хорошо.

– Хм-м. А не пора ли баиньки? – предложил вдруг Сивере, понимая, что вечер не задался.

– Да, пожалуй, поздно, – согласилась Анна. – Встретимся утром. Если никто не возражает.

Возражений не последовало, но никто не двинулся с места. Князь и Сивере с подозрением поглядывали друг на друга. Словно два соперника. И лишь когда Анна нарочито зевнула, прикрыв рот ладонью, они стали раскланиваться, расточая любезности. Покинув номер, подождали щелчка захлопнувшейся двери. Затем бок об бок пошли по коридору к лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.